

Алла Дымовская

Шапка Мономаха

Алла ДЫМОВСКАЯ

Шапка Мономаха

«Автор»

2008

Дымовская А.

Шапка Мономаха / А. Дымовская — «Автор», 2008

ISBN 978-5-17-053970-3

В руки скромного сотрудника Министерства финансов Андрея Николаевича Базанова попадает странное письмо, из которого он узнает о тайне древнего артефакта, несущего страшное проклятие, готовое вот-вот обрушиться на страну. Сведения же, как отвести беду, хитроумно зашифрованы. Базанов начинает действовать, так как ждать помощи неоткуда...

ISBN 978-5-17-053970-3

© Дымовская А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Вступительное слово автора	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алла Дымовская

Шапка Мономаха

Вступительное слово автора

К прискорбию общему, уважаемый читатель, есть нужда сообщить вам о возможной недостоверности некоторых исторических деталей, так как против воли автору пришлось кое-где опираться на вымысел, а не на факты.

И особенную НЕблагодарность необходимо выразить в этом сотрудникам Оружейной палаты Московского Кремля, в частности, за безупречное хамство и снобизм. Видимо, народное достояние и информация о нем являются непререкаемой собственностью служащих сего хранилища национальной культуры – и прочь руки, рядовые россияне!

Но думается, дорогой читатель, совместно мы это переживем. А возможные погрешности пусть остаются на совести высокомерных, псевдоученых, скудноинтеллигентных работников указанного музея.

Глава 1

Имя бога

«Ad maiorem Dei gloriam».
Игнатий Лойола, 1534 год

Ухала сова. Особенно сквозь туманную дымку предрассветного пробуждения звуки эти рождали таинственную жуть и, пожалуй, могли напугать мальчишку, не имеющего пока ни единой «чаши врага» в доме и «золотой чаши» у пояса. А вот Арпоксай был воин и имя носил гордое, в честь одного из сыновей Таргитая-Геркулеса, и он никак не позволил бы себе убояться какой-то там совы.

Но и Арпоксай было страшно. Нет, не ночной птицы, с возмущением встречавшей ненужное ей утро, а самой глухоманьей чащи, сквозь которую едва пробирался даже его увертливый, чуткий к опасностям конь Лик, ведомый за поводья. Больше всего Арпоксай опасался заблудиться и не исполнить возложенного на него приказа, спешного и отданного в тревоге, а значит, ему, царскому посланцу, и в самом деле выходила причина для страха. И в лесах, и в открытых для полета стрелы степях он, бывалый воин, всегда знал, куда ему идти, нестись верхом или вести караван из крытых, домашних повозок. Он и сейчас знал, несмотря на мглу, что направляется точно к востоку от разлога Каменного Брода. Но как найти волхва, если тот сам не захочет, чтобы его нашли? Как обнаружить скрытый шатер из лапчатых веток, выросших в этот лес, словно поваленный ненастьем буреломом? И Арпоксай не выдержал, закричал во мглу, будто соперничая с ухающей совой и наперекор ей:

– Э-э-э-г-а-й-й! И-э-э-х-э-т!

Сова немедленно заткнулась, словно подавилась свежепойманной мышью, но это и был весь толк. Арпоксай остановил легким шлепком коня и тоже замер на месте. На том самом месте, где полагалось и быть обиталищу жреца. Некогда полагалось. Но когда это было? И что стоит знание места перед могущественнейшим ведовством, и кто знает, не остыло ли оно, это место, давным-давно от благоухающего травами жара очага знаменитого колдуна? Арпоксай глубоко втянул воздух тонкими ноздрями, и ни малейшего намека на домашний, уютный дым ему не случилось уловить. Он с шумом выдохнул, конь Лик заржал в ответ. Видимо, беспокоили лесные духи. Арпоксай на всякий случай поспешил успокоить духов, зазвенел золотой чашей у пояса, словно давал понять: я свой, из рода царевича Скифа, рожденного во чреве Девы-Змеи. Духи отстали.

Арпоксай привязал коня, сел на землю, в задумчивости пожевал кусочек коры. Ехать так, наобум, сквозь давно не хоженную чащу, было глупо. Остаться на месте – бессмысленно. А промедление сей день зрелось ему подобным смерти. Лучше уж пусть поберут его мрачные лесные духи темного космоса, чем возвратится он обесчещенным и увидит своими глазами, как окончилось страшное дело в долине невров. Ведь и Гелон уже сожжен, святилище Арея разрушено, и выдернут железный меч. А царь понадеялся на него, некогда любимого ученика и будущего преемника великого мага, чью ношу он, Арпоксай, многие луны назад оттолкнул от себя, пожелав взять на плечи плащ воина. Может, поэтому старый волхв и не хочет теперь показаться ему, да и жив ли он вообще? Арпоксай совсем озяб в неподвижности и от холода земли запахнул потуже тот самый плащ, который он добыл в боях вместо сокровенных знаний, предложенных так щедро жрецом в обмен на тяжкий труд совсем иного рода. Но и плащ, роскошный его плащ, целиком из человеческой кожи без малейшего чужеродного клочка, гордость и достоинство его ранга, совсем не грел, да и не для того был сделан его же собственными, Арпоксая, руками.

Он не заметил, когда явилась тень. Ни шороха, ни движения, ни даже дыхания из воздуха – ничто не заставило его оглянуться. Только конь заржал опять, но не тревожно и жалобно, а с некоторой радостью удивления, как будто почуял кобылицу.

Тень, очень тонкая, прямая, такая неподвижная, без прозрачности и лица, стояла позади него у кривой, узловатой старой березы. Арпоксай тотчас догадался, что нашел, и немедленно бросился перед тенью ниц, раскинув руки крестообразно в стороны. Так и лежал, пока великий волхв не приблизился к нему и край его шубы из птичьих перьев не коснулся щеки воина. Не вставая, глухо в землю проговорил Арпоксай для тени подходящие ее званию слова:

– Приветствую тебя, Велесарг, Открывающий Врата и Управитель Душ. Если тебе нужна моя кровь – испей ее до капли, если нужна моя плоть – накорми своего зверя, – сказал он и не ошибся, тайком глянув в сторону. Исподволь, мимо тени. Так и есть, из дымки светились два желтых, веселых демонических глаза. Значит, Тох-ой, огромный ручной камышовый кот, как всегда следовал за своим хозяином.

Рядом упала ветка. Арпоксай сразу же понял данный ему знак, встал с земли. В лицо жрецу он не посмотрел, это вышло бы невежливо после долгих лет разлуки, и Арпоксай сделал вид, что считает волоски в редкой, длинной седой бороде волхва. А вот Тох, умный зверь, кинулся ему в ноги, урча и топорища пышные усищи. Конечно, это был совсем не тот Тох-ой, обитавший приживалом у волхва в те стародавние времена, когда и сам юный Арпоксай состоял в учениках, но каждого нового своего дикого кота после приручения жрец называл Тохом. А в первый год собственного послушничества Арпоксай застал и древнего, слепого от старости, изначального Тоху, он же и похоронил зверя у орехового куста; он же, Арпоксай, поймал в приречных зарослях его преемника и помогал приручить. Дикие коты любили его, чувствовали издалека, а Тох-ой Второй всегда следовал за ним на охоте. И вот теперь еще один носитель славного кошачьего имени выказывает ему расположение. Арпоксай достал из поясного мешочка кусок вяленого конского мяса, кинул рядом с кошачьей мордой. Тох немедленно принял лакомство, мурлыканьем обещая вечную свою дружбу.

Жрец тем временем направился в лес. Арпоксай зашел следом, щелкнув языком и этим самым дав команду Лику, чтоб следовал за ним. Знал, что колдун ждать не будет и во второй раз не придет к замешкавшемуся.

Хижина отстояла всего-то на несколько десятков шагов, а значит, Велесарг и подавно расслышал, как горюет у его порога бывший ученик, но не вышел, хотел помучить и наказать. Что же, за дело. Арпоксай примотал поводья Лика к молодому буку, росшему подле полуземляного домика, крытого ветками накрест, сам же сел у проема сплетенной из тростника двери. Входить без приглашения не годилось, тем более официально не прощенному послушнику. Но время, гроза людей и богов, заставляло его торопить церемониал. И Арпоксай нарочно звякнул золотой чашей у пояса. Он знал прозорливость старого своего учителя, надеялся на то, что мудрый жрец поймет: не грешное неуважение, а лишь жестокость обстоятельств заставляют царского воина быть поспешным до неприличия в его звании.

Велесарг вышел из хижины вон, дважды распахнул и закрыл дверь. Это и означало приглашение. Правда, весьма прохладное. Вот если бы жрец проделал то же самое три раза, то можно было надеяться на теплый прием. Арпоксай отстегнул с боевого пояса меч, снял с плеча «горит» со стрелами, то и другое прислонил к молодому буковому деревцу, подмигнул на всякий случай Тоху, мол, охраняй! При себе оставил только короткий кинжал – не для защиты вовсе, а вдруг старик смиростивится и накормит у своего очага. Уж кто-кто, а Велесарг – любитель вяленого медвежьего мяса. Сам не охотится, да и не по силам это жрецу, но в виде подношений принимает всегда, хотя и не от всякого. От медвежьего мяса Арпоксай точно не отказался бы, в степи оно почиталось за настоящее лакомство. Хотя уж какое там мясо, если дверь перед ним распахнули только дважды. Впрочем, седой старец-волхв совсем незлобив, пусть и

обидчив без меры, но если отойдет душой, то и мяса даст вволю, и свой замечательный напиток из меда диких пчел тоже выставит на земляной пол хижины.

Войдя внутрь, Арпоксай, потупившись, скромно сел у двери на кучу плотно связанного хвороста. Уж первым заговорить с волхвом он не мог никак, тут ему пришлось ждать. Впрочем, совсем недолго.

– Что привело тебя в мой лес, ничтожный потомок великих отцов? – спросил жрец, всем тоном своего голоса демонстрируя воину нерасположение. Но и любопытство одинокого затворника, почти забытого в уединении, явно слышалось в вопросе.

Арпоксай тут же осмелел, да и негоже царскому скифу носить печать робости на устах и на челе. Он поднял глаза на старца. И его каленное в боях и крови сердце немедленно зашло от полузабытого чувства. От жалости. Древний волхв, некогда могучий телом Велесарг, был теперь совершеннейшие кожа да кости. Прозрачная вислая кожа и хрупкие немощные кости. Словно старая птица на насесте, что вот-вот свалится от дряхлости вниз, чтобы уже никогда не взлететь. Сходство довершали и заостренный, чуть ли не в предсмертной маске, нос, и шуба из шкурок лисиц с нашитыми при помощи жил разноцветными перьями. А вот глаза остались все те же, прозрачные, завораживающие, бездонные, как вода в горном озере. Как искры в отблесках хрусталя с Рипейских гор. Как светлая мощь богов, глядящая на тебя с того света. Волхв держался все так же прямо и твердо, на одних этих глазах и держался, и больше неоткуда ему было взять сил, Арпоксай видел это слишком хорошо. Тем более медлить было нельзя. Бог смерти и северного ветра Вайю уже коснулся чела его бывшего учителя.

– Меня послал к тебе один из трех басилеев. – И тут уж Арпоксай, набрав воздуха во всю тугую, в цепях мускулов, грудь, сказал все начистоту: – Меня прислал хакан Иданфирс.

Сказал и замер в опасливом ожидании, не попросят ли его немедленно вон, и спасибо еще, если жрец не найдет на него какую-либо напасть. Из всех трех братьев басилеев именно Иданфирс насмешками своими, учиненными прилюдно обидами заставил некогда могущественнейшего из волхвов удалиться на северо-восток в леса к Итилю. Царевич Иданфирс водился тогда с греками и даже ездил во Фракию, далеко за Борисфен, чуть не до самой Халкидики ездил, говорят. Но то все сплетни, нечего степняку делать среди меловых скал и масличных рощ. Однако греческих послов привечал, особенно ионийцев, и тех, кто бежал от мидийского войска, тоже пригревал у себя. Они-то и вбили в голову молодому бацилею неуважение к древнему ведовству волхвов, искусству смиренному, но иногда необычайно грозному в умелых руках.

А вот Арпоксай – совсем другое дело. Он тоже слушал сказания о Дардане, сыне Зевса-Папая и прекрасной Электры, и о победе над Тифоном, и о битве царя богов со сторукими гигантами. Но и помнил, кем был прежде. И в голове его горели золотые нити, еще в детстве искусно вставленные умелой рукой жреца прямо в мозг. Он помнил себя еще мальчиком – как устрасился деревянного с железной кромкой зубила, что должно было взрезать его череп, а еще тогда он боялся боли, в первый и в последний раз в своей жизни. Тогда же волхв дал выпить ему напитка из меда и стал смотреть на Арпоксая своими небывалыми глазами. И страх ушел, а боли не случилось вовсе. Зато когда все нити легли на свои места, мальчик Арпоксай стал слышать и видеть то, чего никогда не слышал и не видел прежде. Еще он страшно гордился тем, что из всех многих детей, отобранных по велению жреца, Велесарг избрал именно его, сына Гнура, внука Орика, себе в ученики. Избрал, как оказалось, напрасно. Буйная кровь все-таки взяла свое. И хотя Арпоксай по-прежнему имел непревзойденный нюх на опасности и предвидел мысли врагов, но вот мысли природы и духов оставили его в тот день, когда он поверг к царским стопам первую, добытую в бою, голову и сделал свою первую чашу из черепа побежденного им воина. А теперь он явился в дом своего учителя с именем его оскорбителя на устах.

– Видимо, плохи дела у нашего грека, если дело дошло до моих немощных костей, – глухо сказал ему жрец, но странно, не было в голосе его насмешливой вражды и колючей мести. Грустно звучали слова, и печален сидел волхв.

– Иданфирс молит тебя забыть и молит тебя помочь, – сказал Арпоксай, не считая нужным добавить еще что-то. Когда молит царь, надо ли прибавлять к сказанному?

– Я знаю. Я знаю многое. И больше, чем ты думаешь. А ты говоришь мне о том, о чем известно даже моему Тоху, – ответил волхв. Тут же движением его руки был явлен и кувшин с медовым напитком. – А остальное найди и возьми сам, если ты еще не позабыл моих домашних привычек.

Неужели так скоро им получено прощение? Арпоксай подивился про себя, но достал и деревянные чаши, поискал и нашел мясо. Заботливо порезал его на куски, лучшие положил перед старым жрецом. Значит, дело еще хуже, чем думал он, и даже хуже, чем, может быть, думал сам хакан Иданфирс.

– Гистасп Дарий достиг Меотиды и перешел Танаис, Гелон сожжен дотла, – начал свою печальную повесть царский посланец, но тут же понял: волхву это известно и без него. – Теперь два лагеря стоят один против другого. Хакан загнан в угол, а Дарий желает неперменной битвы. Но мы драться не можем. Не оттого, что воинам неостанет храбрости!

– А оттого, что невры предали вас. Что же, хакан принес на их земли войну, хотя они об этом и не просили. Велико ли войско у Дария?

– Четверо на одного нашего всадника и семеро на каждого пешего воина, – честно ответил Арпоксай, и смысл его слов был ужасающ. – Но лучше уж мы поляжем в битве все до последнего лядащего конюха, лучше перережем наших жен и детей, чем...

Волхв не дал ему договорить:

– С этим вы справитесь и без меня. Только чем же лучше такой конец? Может, Иданфирсу покориться для виду и тем временем призвать на помощь брата? А жены и дети пусть останутся целы. Не слишком ли велика плата за вашу гордыню?

– Басилей Скопасис далеко, и ему никак не успеть в срок. А гелоны вот-вот готовы взбунтоваться, они считают, что предводительствовать войском должен третий брат, хакан Таксакис. Нам только надо выиграть время.

– Время вас не спасет. Дарий придет опять и опять, пока войско его сильно. Он не оставит народ скифов в покое, пока не отомстит за ваши набеги на его земли, – сказал старый волхв, и сказал чистую правду.

– Что же тогда нас спасет? Когда выхода нет, спрашивают не сильного, но мудрого. Затем хакан и послал меня в твой лес, – взмолился Арпоксай, видя, что жрец готов помочь. – Забудь давнюю обиду, ради крови твоего народа! Ради наших сыновей, что еще на руках матерей, если не ради царя, который только по молодости лет ошибся в выборе истинных друзей!

– Я уже забыл. И я научу хакана, что ему делать, – тихо ответил жрец, взял с ножа кусочек медвежьего мяса и стал задумчиво и с усилием жевать его почти беззубым ртом.

– Значит, ты готов отправиться со мной в путь? Тогда нам надо торопиться. До лагеря три дня езды. И то, если Лик идет под моим седлом. Но с нами обоими это будет ему не по силам, а значит – четыре дня, – прикинул вслух Арпоксай, уже готовый немедленно тронуться в путь. Ветер удачи переполнял каждый его вздох, и он готов был лобызать колени старца за то, что тот так быстро согласился мчаться на помощь его несчастному царю.

– Я не поеду с тобой, мальчик Арпоксай, тебе все придется донести и исполнить самому, – все так же тихо, судорожно глотая слюну, произнес Велесарг.

– Но почему? Ведь ты сказал, что поможешь моему царю? Почему же ты не желаешь ехать со мной? – Арпоксай так неожиданно был огорчен и удивлен и даже не стал возражать против того, что старый жрец называет его не как царского воина, а как в далеком детстве «мальчик Арпоксай». От этого обращения стало еще тревожней, но и только.

– Оттого, что моя помощь будет стоить моей жизни. Впрочем, если ты желаешь терять драгоценные крохи времени и дальше, что ж – после свежи своему царю вдобавок и мой труп. Только не позволяй хоронить меня в кургане.

Арпоксай тут же и замолчал, не смея возразить волхву. Никогда Велесарг не говорил слов зря, в отличие о тех, кто зря его не слушал. Значит, жрец затевает нечто столь важное и таинственное, что непременно должно принести пользу хакану Иданфирсу. Иначе не стал бы он платить своей жизнью. Но и спрашивать далее Арпоксай не захотел, и без того все увидит и услышит, так зачем напрасно нагонять ветер? Он потянулся за чашей, чтобы налить медового напитка учителю и себе. В хижине Велесарга, ни в этой, ни в других, где он некогда жил, не было ни одной «чаши врага», сделанной из черепа недруга и обтянутой кожей его же скальпа. Хотя мужество и достоинство настоящего царского скифа определялись количеством вызолоченной внутри посуды из черепов и числом хорошо выделанных полотнищ из человеческой кожи, прикрепленных к верхушкам копий или растянутых на «досках славы». А подобные Арпоксаю, наихрабрейшие из храбрых, еще и носили длинные, до пят, плащи, и каждый свидетельствовал о необозримой череде скошенных, как трава, противников в лютом от крови бою. Ничего подобного не водилось в убогой землянке волхва с дымным от сырого хвороста очагом. И никогда жрец не поднял руки ни на одно человеческое существо, разве что иногда нещадно трепал нерадивого мальчишку-ученика, то ухватив за длинные волосы, то за ухо – всегда отчего-то за левое. Но Арпоксай знал: как раз отсутствие чаш из черепов и происходило именно от наивысшей храбрости, великого мужества подвига одиночества и ясного, доброго видения мира самым мудрым из волхвов на всем квадрате вселенной, от бесконечных гор на одном ее краю и до безбрежного океана на другом. И никакие свидетельства чаш здесь не имелись в нужде. Велесарг потому и стоил всех царских воинов вместе взятых с их конями, что находился где-то недосыгаемо высоко над их суетной славой и доблестью, вот теперь оказавшимися почти бесполезными перед лицом страшной опасности.

Старый жрец допил свой мед и встал. Молча, одним жестом сухонькой руки, чуть видной из-под пышных перьев его шубы, пригласил Арпоксая за собой. И Арпоксай вдруг почему-то понял, что волхв Велесарг вовсе не пожалел для него слов, а просто берег силы, нужные ему... для чего? На этот вопрос у Арпоксая не было ответа, но внутреннее чувство его, как бывшего ученика колдуна, предсказывало нечто ужасное и вместе с тем захватывающее. Арпоксай не знал даже, что сильнее толкало его вперед за учителем – студений, как дыхание зимнего моря, страх или щекочущее любопытство.

Они недалеко ушли. На ближней поляне лежал обычный, грубо стесанный камень, честь и пупок богини Апи, супруги Зевса-Папая, подле которого жрец и творил главные свои обряды. Посейдону-Тагимасаду он не приносил жертв и вообще мало почитал этого конского царя, бога – сотрясателя земли. Велесарг, лекарь и проводник душ, не привечал разрушителей, и лишь боги, хранители порядка, равно светлые и темные, получали от него приношения и делились с ним высшей мудростью мироустройства.

– Отодвинь его прочь, – повелел жрец, когда вместе они подошли к камню Апи.

Арпоксай даже и не нашелся что ответить на подобное предложение святотатства – как он, не до конца посвященный, может даже прикоснуться к божественному пупку?

– Отодвинь его прочь. Богиня не будет в обиде. Она лишь хранит. И отблагодарит того, кто избавит ее от тайного клада, – успокоил его волхв.

Арпоксай хоть и усомнился, но сделал, что было велено, про себя все же испросив у Апи прощения. Под камнем оказалась крохотная ямка, а в ней бронзовый ящичек с кулак величиной, весь позеленевший от сырости и долгого лежания в земле. Волхв кивнул, и Арпоксай послушно вытащил измазанный глиной тайник, передал учителю и тут же поспешно водрузил камень на место. Быть может, богиня сделает вид, что она ничего не заметила?

– Открой и посмотри! – скорее попросил, чем приказал, Велесарг и протянул своему бывшему ученику бронзовый сундучок, целиком умещавшийся на ладони.

На тайничке не было никакого вовсе замка, и Арпоксай с легкостью откинул чуть замшелую крышку. И ахнул. Прямо из бронзовой тьмы и высушенного мха на него смотрел ужасный глаз Девы-Змеи. Ровный овал, гладкий, как серебряное зеркало, и такой же блестящий, а в зелени его плыли черные небесные бури и изумрудные волны. И только немного спустя, вздохнув еще раз, словно вынырнув на поверхность из глубины вод, Арпоксай увидел, что это не глаз живого существа, пусть и чудесного, а лишь драгоценный камень, подобный тем, что некогда привозили киммерийцы со стороны Рипейских гор еще во времена царя Лигдамида. Но все же перед ним лежал в гнездышке из сухих коричневых мхов не совсем обычный камень. Арпоксай тоже ведь некогда был наполовину волхв, и золотые нити в его голове не утратили своей силы, а только как бы покоились сном. И вот теперь им пришлось пробудиться. Изумрудный глаз, чем дольше Арпоксай смотрел в его глубины, тем более наводил на него совершенно настоящий ужас. Еще немного, и произойдет непоправимое нечто, и он увидит то, от чего не станет возврата и с чем Арпоксай должен будет сразиться, без надежды на победу. Ибо гнетущая сила в камне не имела ничего общего с чем-либо виденным или прочувствованным когда-либо раньше.

– Довольно! – крикнул резким, вороньим голосом жрец, и Арпоксай пришел в себя. – Дай его мне!

– Зевс и Арей! Да что же это такое? – все еще не избавившись от ужасного наваждения камня, вскричал Арпоксай, и лес птичьим карканьем наказал его за непристойный шум.

– Это – ИМЯ БОГА! – произнес жрец так, словно он был в царском шатре и вещал в трансе, накурившись трав и предсказывая судьбу.

– Имя бога? Но какого бога имя может нести этот зеленый глаз, в котором так и светится несчастье? – не понял Арпоксай, хотя и чуял присутствие истины.

– Любого, которого ты призовешь, если тебе достанет могущества. Я сам добыл его из скалы, когда странствовал на восток, добыл, рискуя телом и душой, и только потом, выйдя из недр пещеры на свет, я увидел, что принес в подлунный мир. И ужас объял меня. И я спрятал камень и доверил его превышней Апи, чтобы она сторожила скрытый в нем дух. Ибо ИМЯ БОГА – это имя того, кто в камне. Я дрался с НИМ, и ОН сбежал от меня в изумрудную даль, но я взял ЕГО в плен и, глупец, принес в мир людей. Но и великое зло может иногда сослужить великую службу.

– Но отчего ЕГО так зовут, Имя Бога? – спросил Арпоксай, стараясь даже не глядеть в сторону камня. Одно его присутствие в лучах восходящего над деревьями солнца навевало на отважного воина смертную тень.

– Оттого, что ОН хотя и служебный дух и привязанный к месту, но принимает имя того божества, которым его заклиняют. И в заклятии непременно должны быть начало и конец. То, что ОН должен исполнить, тот, чьим именем это должно быть исполнено, и то, что может разрушить исполнение. Такова ЕГО жизнь до конца времен Папая-Зевса и отца его Крона.

– Но у меня не хватит сил ЕГО заковать. Я знаю это, – предупредил Арпоксай.

– И я знаю это. Сил хватит у меня. Теперь ты понимаешь, почему я не смогу отправиться с тобой к хакану Иданфирсу. Но ты передашь ему условие победы и мудрость, которую я вложу в твои уста. Ибо прежде чем исполнится срок, Дарий Гистасп должен утратить разум. А теперь слушай внимательно и запоминай.

Старый жрец говорил долго, а Арпоксай едва слышно повторял за ним и знал, что это последний его урок у великого и мудрого учителя. А потом волхв попросил его отойти прочь и сесть на землю поближе к самому древнему на поляне дереву. Арпоксай послушно устроился под кряжистым буком, стал смотреть. И никакой страх не заставил бы его пропустить хоть что-нибудь из происходящего у камня Апи.

Сначала была только полная тишина, и даже птицы над головой перестали петь и словно бы превратились в каменные изваяния на ветках, ни один лист не шевелился, ни одна пылинка не играла в солнечном луче. Только Тох прижимался мордочкой к теплому боку Арпоксая, пытался спрятаться в складки плаща и иногда с тоской шипел и впивался когтями.

Жрец неподвижно стоял, держа на вытянутой вперед ладони зеленый глаз, вторую руку отведя в сторону для равновесия. Будто меч Арея на вершине святилища. И скоро воздух вокруг исполнился звоном. Тох зашипел еще сильнее и впился Арпоксая в руку, продрав и кожаный нарукавник верхнего кафтана. А звон все нарастал, до визга, до свиста мириадов стрел, выпущенных из мириад скифских луков. И тут вспыхнуло, и жреца и каменный глаз объял текучий изумрудный пламень. Арпоксай видел сквозь зеленые пляшущие языки только, как старый волхв что-то кричит, но море изумрудного огня не пропустило наружу ни звука. А в золотых нитях воина-волхва билась одна-единственная мысль – о том, что ничего ужасней он никогда не видел и не увидит, пока жив на этой земле.

Вой пламени перешел в запредельный звук, и Арпоксай задрожал всеми жилками тела и, почти утратив сознание, углядел лишь на грани бытия, как изумрудный столб словно степным смерчем закружил жреца и как Велесарг вертится на месте волчком, все так же раскинув руки. Потом из кокона зеленых искр вылетела белая, чудесная молния – вверх, от земли к небу, и изумрудный пламень опал, рассыпался с непередаваемым на человеческом языке стоном, словно разверзлось царство мертвых. Волхв мгновение еще стоял на ногах, но Арпоксай не успел подбежать к нему и подхватить старца на руки. Велесарг рухнул на траву у камня Апи. Жрец был мертв и выпит до дна, зеленый глаз выпал из его ладони и откатился прочь, и черные бури с морскими волнами уже не играли в нем. Теперь среди росы лежала просто драгоценная вещица, которую так любят носить на своих диадемах придворные скифские женщины. Но сила присутствовала в нем, только теперь никто, кроме Арпоксая или другого мага или волхва, не смог бы разгадать и обнаружить ее.

Арпоксай подобрал зеленый глаз, снова уложил его в бронзовый ящичек. Но не захотел повесить на пояс, а бережно отнес и опустил в одну из торб, притороченных у Лика поперек седла. После вернулся и совершил то, что было последней просьбой его учителя. Он выкопал могилу под камнем Апи, теперь уже не боясь гнева богини, и похоронил в ней последнего из великих волхвов Скифии, Управителя Душ, который открыл свои последние Врата в последнее из всех Царств.

Тох-ой, жалкий и по-кошачьи несчастный, сел рядом с могилой и просительным, неотвязным взглядом преследовал заканчивавшего ритуальное песнопение воина.

– Ну, уж так и быть, – вздохнул Арпоксай. И подхватив Тоху на руки, запихнул кота в походный мешок. Жена будет рада, такой подарок сбережет его дом-повозку от дурного глаза, и к тому же камышовые коты лучшие сторожа для младенцев. – А теперь в обратный путь. И уж придется бедному Лику обогнать все попутные ветры.

Глава 2

«Глупое письмо»

Андрей Николаевич Базанов проснулся совсем уж ранним утром. Было около шести часов, и за окнами еще маячила темнота и хмурая ночная осень, так что для удобства ему пришлось зажечь электричество и в комнате, и в кухне. Дизраэли уже ждал у миски, ворчал и теребил жесткий коврик на полу, как бы подгоняя хозяина. Ему был только год, но и этого срока хватило, чтобы упитанный щенок бассетхаунда превратился в настоящего пудового теленка. Что и говорить, больше половины зарплаты у Базанова вылетало на корма и услуги клубного ветеринара, но делать было нечего, домашние любимцы, как и дорогие хобби, требуют денег. Дизраэли после завтрака, достойного Гаргантюа, еще полагалось выгуливать около часа, и не в ритме чинного шествия по собачьей площадке, а в сумасшедшей гонке вслед за поводком по окрестным пустырям и кошачьим ночлежкам, до которых бассет был большой охотник. А после Базанов мог и сам принять душ, позавтракать и переодеться на службу.

Потому как иначе, чем службой, Андрей Николаевич свою работу никогда не называл. И делал это специально. Ему нравилось подчеркивать перед старыми друзьями и случайными знакомыми тот факт, что к частно-коммерческим предприятиям, торговым и производственным, и вообще к новым русским начинаниям его трудовая деятельность не имеет и не имела отношения. Базанов был государственный с-л-у-ж-а-щ-и-й, оттого и ходил он на с-л-у-ж-б-у. В Министерство финансов Российской Федерации. Где Андрей Николаевич служил в департаменте финансовых услуг. В чине начальника отдела. Кто-то скажет, что должность эта, уж конечно, не бог весть какая синекура, но Базанов синекур не искал. Хотя многие коллеги, в основном из числа сострадательного женского пола, и считали, что Андрей Николаевич не на своем месте, а достоин куда большего. Но для большего и самому Базанову пришлось бы совершать трудоемкие и довольно хлопотные ритуалы угождения высшему начальству, попутно добывая и выискивая любые полезные связи, могущие поспешествовать его продвижению по служебной лестнице вверх. Андрей Николаевич не делал ничего подобного. И не из-за лени или излишнего чистоплюйства (которое он, впрочем, всегда был готов отставить ради государственной пользы, так что и ему случалось просить там, где выходило нужным). А просто у Базанова присутствовали иные интересы в жизни. Он любил породистых собак, и он любил старинные раритеты, в основном из области нумизматики. Правда, серьезные собиратели редких денежных знаков не считали Базанова за настоящего, безупречно сумасшедшего коллекционера, но все же имя его было им знакомо. В большей части благодаря воистину энциклопедическим знаниям и безошибочному нюху на провокационные подделки. Многие обращались к Базанову и за частной консультацией. Самого же Андрея Николаевича более интересовали длинные цепочки историй, связанных с той или иной редкостью, а не сам факт обладания ею. Потому и библиотеку он имел куда как обширную, а вот коллекцию весьма скромную. Кроме того, личные финансовые обстоятельства не позволяли Базанову всерьез скупать «жемчужины» и «чудеса» монетных дворов. Хотя и у него была мечта. Недостигаемая и неосуществимая. Когда-нибудь добыть двухноминальный стофранковик конца девятнадцатого века или двадцатипятирублевку с парным императорским портретом, выпущенную некогда исключительно для дворцового обихода. Но те монеты купить представлялось возможным только с аукционов и только за баснословные деньги, которых Базанову взять было совершенно негде. Тем не менее Андрей Николаевич все мечтал: мало ли, завещание неизвестных родственников... или, скажем, клад... А пока что любовался их печатными изображениями. Правда, и у него имелись в коллекции, собранной просто для души, без особой системы, один «корабельник», хотя и в плохом состоянии, и монеты «нового кузла» чекана времен Ивана Грозного,

также мечевая копейка с клеймом псковского мастера Заманина – повод для зависти не одного конкурента, «крамольная денга» с великокняжеской шапкой Тверского денежного двора, еще полушка с летящей птичкой и надписью «Государь», сделанной вязью.

Вернувшись с прогулки (и сам, и Дизраэли по уши в московской уличной грязи после ночного дождя), Базанов еле успел к трезвонившему телефону. В такую рань позвонить могла только его мама, ни разу за почти пять лет отдельного житья ее младшего сына не забывшая напомнить ему о пользе полноценного завтрака. Андрей Николаевич снял трубку и не ошибся. Действительно, на проводе была мама, тут же прозвучала и традиционно-непременная фраза о полезном питании. Но не только. В этот раз у его мамы, Настасьи Сергеевны, имелось для сына и еще кое-что любопытное.

– Андрюшенька, ты помнишь Машу? Ну стриженую такую, она еще до сих пор курит «Беломор»? Ну, Марья Платоновна – в таких кудельках, как в довоенные годы?

– Мама, какой «Беломор», его сейчас даже байкеры не курят, не то что молодые девушки! – не очень любезно откликнулся Базанов, предвидя очередную попытку матери навязать ему совершенно ненужную невесту. Мысли же его были заняты в сей момент совсем иными предметами.

– Господь с тобой, Андрюшенька, при чем здесь девушки? Марье Платоновне шестьдесят один год! – обиделась в трубку Настасья Сергеевна, но тут же решила, что сын ее, видимо, решительно не помнит сейчас никакой Маши в кудельках. – Она давняя моя пациентка, почти подруга. Да Крымова же! Она еще помогала тебе достать каталог Мельникова по допетровской эпохе!

Тут же Базанов ее и вспомнил. И вспомнил, при чем здесь «Беломор». Крымова и в самом деле была некогда пациенткой его матери, в туберкулезном диспансере, и Настасья Сергеевна то и дело пилила Крымову неустанно и регулярно, чтобы бросила курить, при ее-то кавернах. Но легкое Марье Платоновне спасли, и «беломорина» так и осталась навсегда в ее зубах как некий символ человеческой непокорности судьбе. Крымова иногда заживала к Базановым в гости, и отец его, Николай Аристархович, все время выгонял ее на балкон дымить, хотя и сам курил исправно сигареты всегда с ментолом. Но запаха «Беломора» – ядреного и портяночного – на дух не переносил.

– Ну хорошо. Помню я твою Машу и «Беломор» тоже помню вместе с каналом. Мам, мне на службу пора! – намекнул Базанов, опасаясь, что воспоминания о Крымовой могут затянуться.

– Сейчас, сейчас, сынок, я на одну минутку еще задержу, и все. Видишь ли, Маша ложится в больницу. И надолго. Докурилась-таки. Там онкология, и она сильно боится, что ее путешествие в клинику – это билет в один конец.

– Сочувствую, – произнес Базанов. Ему и впрямь было жаль хорошего человека, никогда ему ничем не докучавшего, а одного только слова «онкология» он сам боялся как огня.

– Так вот, она очень просит тебя заехать к ней непременно сегодня, прямо в Протопопов переулок, на квартиру. Видишь ли, Маша хочет передать тебе свой архив. Ну тот, что остался от ее деда со времен еще Гражданской.

– Что?! Что, о Господи, что?! Тот самый?! – Базанов от восторга, не смея поверить в свое счастье, от неожиданности чуть не выронил трубку. – Тот, что вывезли из разграбленного Никольского? И мне, она хочет отдать мне? Там же подлинные рисунки князя Григория, даже, кажется, есть наброски иллюстраций к «Тарантасу»!

– Я не знаю, что там есть, Андрюшенька. Сам посмотришь. А только Маша сказала, никому не отдаст, одному лишь тебе. Ты непременно сегодня поезжай, завтра ее уж не будет. И там помягче, все же больной человек. Посиди, поговори. Она от души подарок делает.

– Что ты, мама! Ты даже не представляешь себе! Да я Марье Платоновне теперь по гроб жизни буду ходить обязанный! – крикнул в телефон Базанов, да еще причмокнул в поцелуе. – В семь вечера, как думаешь, ей удобно? А то, если нет, я и отпроситься могу.

– Думаю, удобно. Маша сейчас никуда не выходит. Да и нет у нее никого. Завтра в клинику я и твой папа Машу и отвезем. А ты сегодня поезжай.

Базанов дал отбой. Подпрыгнул на месте от счастливого ощущения свалившегося на него сюрприза, внезапного и даже какого-то чрезмерного. Такого везения на пустом месте в его жизни еще не случалось. Андрей Николаевич не стал даже ругать бессовестного поганца Дизраэли, который, уж конечно, не дожидаясь окончания телефонного разговора, как то положено порядочному псу с грязными лапами и брюхом, а перенес все чудеса окрестных луж прямо на незастеленный диван Базанова. Но что простыни? – простыни чушь, как и единственная перьевая подушка. А вот архив! На него Базанов раньше лишь облизывался, и все издалека. А после и вовсе выкинул из головы. Крымовой он был никто и на документы претендовать никак не мог. Он даже саму Марию Платоновну не сразу вспомнил. А в Протопопов переулок он не то что поедет – побежит, а если надо, то и поползет. Архив князя Гагарина того стоил.

Пока же предстояло идти на службу в министерство. Из Марьино да на метро с пересадками путь был неблизкий, но Андрей Николаевич даже и не пытался на ходу читать книжку, пусть интересную и не без труда разысканную на руки в библиотеке Минфина. А предавался мечтам и предвкушениям о вечернем визите. Как на его месте витал бы в грезах любой другой нормальный молодой еще человек, скажем, о долгожданном свидании с любимой девушкой.

Весь день Базанову не сиделось в кабинете. Две его сотрудницы, делившие с ним служебное помещение, Оленька и Степанида Матвеевна, видя его беспокойство, из сострадания взяли большую часть присланных из экспедиции бумаг на себя. Шла регистрация пенсионных фондов, и у Андрея Николаевича как у начальника именно пенсионного отдела работы было невпроворот. Но обещанный пряник в виде архива Маши Крымовой никак не позволял ему сосредоточиться. Хорошо хоть Степанида Матвеевна и тайно влюбленная в него Оленька всегда стояли на страже интересов родного и обожаемого, щедрого на побрякушки начальника. А потому Базанов кое-как дотянул день до вечера и тут же по отбою помчался в Протопопов переулок.

Андрею Николаевичу всего-то отроду и было что тридцать четыре года, да за плечами Московский финансовый институт, да двухлетний срок беспорочной службы в стройбате писарем-учетчиком. И все – после диплома он ничего, кроме стен своего министерства, и не видал. И не очень-то желал видеть. Ростом не высокий, но не сказать, что низкий, худощавый, русые волосы вьются крупно, зеленые с серым оттенком глаза, острый нос с едва заметной горбинкой, Базанов в общем-то нравился женщинам. И в институте, и потом. Да только с ними было хлопотно. А лишних хлопот Андрей Николаевич не любил. Есть у него мама и старшая сестра, замужем за дипломатом в Индии, и с него женского общества довольно. А так – необязательные романы, предпочтительно мимолетные, лишь бы не мешали тишине в его муниципальной, выцарапанной у государства за заслуги квартирке, и лучшие друзья, с такой же некоторой придурью, и собака, и книги. А когда не хватало денег с зарплаты, Базанов, ничтоже сумняшеся, нанимался читать лекции при Финансовой академии в Центре коммерческого международного образования и тем пополнял временно свой бюджет. Собакам жилось при нем неплохо, книгам еще лучше, а сам Базанов, истратив приличную сумму на очередную нумизматическую прихоть, щеголял все в том же неприличном единственном костюме пятилетней давности, купленном еще мамой на семинаре в немецком Кобленце. Но он совершенно плевать хотел на свой внешний вид, хотя и уважал чистоту телесную и одежды, но фасонить нужным не считал. Впрочем, Андрей Николаевич и без того был хорош, для близких и друзей. Мнение всех остальных о своей персоне его интересовало мало.

Марья Платоновна и на самом деле оказалась плоха. Частый, захлебывающийся кашель бил ее беспрестанно, она и поздороваться толком не смогла. А Базанов пожалел, что явился с пустыми руками. Но тут же и осадил себя. Что мог он принести умирающей женщине? Ведь не бутылку же вина с цветами и конфетами, традиционный джентльменский набор для посещения досужих подружек. И он скромно вошел и сел – там, где жестом предложила ему Крымова. Марья Платоновна не стала откладывать дела в долгий ящик, сразу указала на коробку в углу ее гостиной комнаты – обычную коричневую картонку, кажется, из-под кубинских апельсинов. Говорить ей было трудно, и Базанов почти уверился в том, что надолго задерживаться в квартире ему нет необходимости. Крымова мало желала общаться и тем более выслушивать ничемные ободряющие утешения. Если и нужен был ей кто, то скорее священник для последней исповеди, а не чиновник средней руки с посторонним интересом. В комнатах, первой и второй проходной, царила почти голая пустота, видимо, Крымова не единственному ему имела что раздать перед последней дорогой. Базанов сказал некоторые необязательные слова, потом уже и обязательную благодарность, очень искреннюю и оттого прозвучавшую в смущении несколько сухо. А после, видя, что Марья Платоновна едва сидит перед ним на стуле и ей давно пора лечь, стал прощаться.

– Пстой, – вдруг остановила его Крымова сквозь прорывающийся наружу кашель. – Пстой, не то я забуду, а должна тебе сказать. Мой покойный отец когда-то смотрел эти бумаги. И вот он однажды в сильнейшем раздражении чуть не выбросил весь архив из-за какого-то «глупого письма»! А ведь Платон Лаврентьевич, папа мой, такой уж был ярый коммунист – дальше некуда.

– А что за «глупое письмо»? – на всякий случай спросил Базанов умирающую старуху.

– Не знаю, только он так сказал: «глупое письмо» и что это – гнусные происки мракобесов от самодержавия. Но знаешь что, Андрюша? Это письмо его чрезвычайно встревожило. Он даже его отделил в конверт и запечатал сургучом. И мне смотреть не велел. Сказал еще, что письмо не только глупое, но и вредное. – Тут Крымова остановилась, чтобы отдышаться. Она уже и так слишком долго и много (для своей болезни и состояния) говорила, однако, видно, не все сказала, а было нужно еще, и через силу Марья Платоновна продолжила: – И все же отца моего это письмо беспокоило всю оставшуюся жизнь. Оно и сейчас лежит отдельно, в фельдьегерском пакете, и сургуч на нем. Но теперь оно – твоя забота.

Когда Андрей Николаевич вышел от Крымовой, на улицах стало совсем темно и накрапывал дождь, к тому же коробка в его руках не имела верха, и Базанов решился потратиться на такси, чтобы скорей попасть домой и заодно не допустить повреждения архива. Хорошо хоть, в его кармане, кроме карты Сбербанка, нашлось семьсот рублей от вчерашнего, возвращенного сослуживцем долга. Хватит на частного и на бутылку вина. Все же требовалось отметить удачу. Он даже подумал, а не позвать ли в компанию Муху, своего наидрагоценнейшего и ближайшего друга из соседнего отдела лотерейной деятельности, но тут же перегорел. И время позднее, и хоть Муха легок на подъем, все-таки открыть архив князя Гагарина в первый раз Андрею Николаевичу хотелось одному. И никак не шло у него из головы это самое «глупое письмо».

Уже дома, едва переодевшись и наскоро выгуляв недовольного Дизраэли, он даже не поужинал, а открыл бутылку и запустил руки в вожаделенную коробку. Разумеется, заинтригованный страшно, первым делом отыскал фельдьегерский пакет. Сургуч на нем имелся и сломан не был, Крымова сказала правду: с 1956 года никто к конверту не прикасался.

Базанов ожидал внутри увидеть что угодно: и отречение Аввакума, и тайную переписку Святейшего Синода с Папой Римским, и пытошные ведомости, и протоколы Феофана Прокоповича, и масонские отчеты времен Екатерины. Но там лежало действительно письмо. На двух листах ин-октаво. На одном стоял номер «3», а на другом «4». Стало быть, где-то затерялись

еще первый и второй. Послание действительно начиналось с середины. И если опустить некоторые нюансы орфографии девятнадцатого века, письмо звучало приблизительно так:

"...Дорогой князь Григорий, как видишь, исполнил все по твоей просьбе. Это не древнеславянский и ни в коем случае не древнегреческий, писано на иврите иудейском, что само по себе удивительно. Наверное, неким неизвестным талмудистом времен Иуды Абарбанеля. Потому перевод, каюсь, занял столь много времени. Но мне удалось в достаточной мере, и думаю, твой интерес может быть удовлетворен. Это действительно нечто уникальное и потрясающее. Но, к сожалению, проверить истинность утверждений сего древнего документа не представляется возможным. Так как сам понимаешь, Его Императорское Величество носит благословенное имя Александр. Но все равно любопытно чрезвычайно. Перевод прилагаю со всем моим уважением. Ответного визита не жду по причине скорого отъезда на Чертомлык. Археологическая Комиссия Его Императорского Величества, долгих Ему лет в благодати, изволила отпустить на экспедицию, страшно сказать, пять тысяч рублей ассигнациями. Так что на сей же неделе и намереваюсь отбыть. Засим остаюсь вечно твой благодарный должник

Иван Егорович Забелин.

Санкт-Петербург, 2-го мая 1862 года».

А дальше еще один лист, исписанный тем же мелким, профессорским почерком, сплошь отчего-то с двух сторон, хотя в те времена так писать было не принято и даже почиталось за дурные манеры. Но может, у знаменитого археолога – а кто такой Забелин, Базанов понял сразу, – попросту не нашлось в предотъездной спешке ничего более под рукой.

И Андрей Николаевич, глотнув для храбрости вина, принялся читать четвертый лист, перевод с рукописи некоего неизвестного талмудиста. Все это имело вид подробной инструкции, поэтапной, будто предназначенной для эксплуатации какого-то предмета или скорее агрегата с комментариями переводчика в скобках, и Базанов не сразу понял, о чем идет речь. А когда понял, то опешил донельзя. А когда от столбнячного своего состояния хватил бутылку кагора до дна, то через полчаса содержание «глупого письма» окончательно дошло до его замороженных ужасом мозгов. Потому что с пьяной ясностью он немедленно сложил два и два, и Андрею Николаевичу Базанову на минутку стало худо. Впрочем, тут же успокоил он сам себя, ничего страшного еще не произошло и, возможно, не произойдет вовсе. Но тут же где-то в глубинах его памяти шевельнулось давнее и нехорошее свидетельство, а может и просто слух. Все это необходимо было проверить, и даже завтра. Потому что если это «глупое письмо» не лжет... Черт возьми, Базанов был скептиком и закоренелым эмпириком, но уж больно там все сходилось одно к одному. И не дай бог, если правда, – это выйдет почище ядерной бомбардировки, а может, и она тоже. Завтра, завтра же он наведет справки в некоем интересном месте, где ему как раз оставались должны услугу.

Глава 3

Утро красит нежным цветом...

Да, славный был человек Алексей Петрович Ермолов, генерал от инфантерии, друг декабристов, усмиритель Кавказа. Можно даже сказать, в чем-то великий человек. Только вот фамилия подкачала. И что бы ему не именоваться, скажем, Трубецким или, на худой конец, Осокиным. Нет, Ермолов. А это вызывает некие параллели и напрасные ожидания, иногда совсем неудобные и выказанные некстати. И у бедного его случайного однофамильца теперь от этого совпадения частенько болит голова. И стены древнего Кремля не спасают. Взять хоть бы и портрет – ведь ни малейшего же сходства. Только желтушная пресса трындит свое – потомок да потомок. Опять же, из их семьи и на Кавказе-то никто не бывал, разве что в брежневские времена по профсоюзной путевке. Коренные петербуржцы бог весть с каких времен, прапрапрадед – кажется, служил по акцизному ведомству и был, шутка ли сказать, коллежский асессор. А прапрадед, тот уж даже во флотские лейтенанты вышел. Однако знаменитому генералу Ермолову никакая не родня, ему ли не знать? Но это малая беда по сравнению с теми сплетнями, что заплетает изо дня в день о нем самом «желтая» бульварная публика.

Владимир Владимирович, тоже Ермолов, досадливо вздохнул и окинул коротким взглядом вид из окна на тот самый Кремль, что полагалось красить утру. Но это только полагалось, и то в мае, а нынче мелкий распротивный ноябрьский дождик распространял кругом одну лишь блеклую серость. Подъезжали. Головная машина кортежа уже приступила к торможению, охрана готовила зонты. Будто эта мизерная влага с небес и есть самая страшная угроза его персоне. Да впрочем, у ребят свои заботы. Не случись вовремя зонта – нагорит по первое число. Тут уж и он, Ермолов, ничем не поможет. Режим есть режим.

Теперь имеется у него один только час времени – до начала официальной свистопляски рабочего дня, – когда он, Ермолов, может на покое привести мысли в порядок, так сказать, в тиши кабинета и хоть немного восстановить душевное равновесие. А потом уже он явит на люди строгий, заботливый лик государственного мужа, чей один лишь взгляд гарантирует гражданам вверенной ему страны спокойствие и обещание грядущего процветания. И кто бы знал, кроме разве ближних его помощников, чего именно теперь стоит Ермолову это пресловутое спокойствие. Затишье на Северном Кавказе и на Южном, мудрое руководство, гип-гип-ура!

И как раз сегодня, будто назло, Ермолову совсем не удавалось справиться с мыслями, а час, единственный нужный ему, как воздух, утекал безвозвратно по минутам. В голову лезла всякая второстепенная чушь. Так бывает, и от хронического переутомления тоже, когда самому себе уже невозможно приказать думать о чем-то определенном. Кому другому – пожалуйста, а вот себе, шалишь, не выходит. И ум его терзался по пустякам. Вот тоже – о вчерашней выходке Турандовского в Государственной думе, и ведь наверняка уже попало во все международные информационные агентства. Конечно, разбираться с Турандовским не его забота, но как же некстати! Сам по себе умеренно правый депутат, либеральный фракционист был бы еще полбеды, но в контексте текущих дел, о тайной подоплеке которых Турандовский не имел понятия, заявление его могло подтолкнуть тот самый крайний камешек, способный вызвать обвал. А ведь «принцессу Турандот» предупреждали уже не раз: не рвись поперед батьки в пекло, не трави зайца танками, – да видно, без толку. А прозвище вышло удачным, как говорится, будто по мерке сшито. И за капризный нрав, и за вечную неразбериху в голове. С Турандовским требовалось обращение даже не как с обезьяной, вооруженной гранатой, а как с примадонной-балериной в состоянии запоя – пойдя пойми, что выкинет или удумает в следующую минуту. И обидчив до крайности, так же, как и труслив. Правда, народ его любит. Ну а как не

любить такого?! Суматошного и сумасбродного, кроющего всех направо и налево с трибуны, без различия чинов... И главное – имеет планы срочного спасения Отчизны, один фантастичнее другого. Что же, сказочников и юродивых на Руси всегда привечали. А окажись, случаем, бедная «принцесса Турандот» завтра, к примеру, у власти, так и сбежала бы, глядишь, на второй же день. Впрочем, именно сейчас Ермолов охотно махнулся бы с «принцессой» местами. А что? Завывая себе с разных трибун на всякие голоса, а лбы в кровь пусть расшибают другие.

А ситуация на восточном фронте государственной политики и впрямь чем далее, тем прочнее становилась все более ахово-пиковой. Это были просто какие-то семь лет невезения, и их причину Ермолов себе объяснить не мог. Старался он сам, старались преданные ему лица, и даже некоторые не преданные, но радеющие за страну. И все усилия словно бы высвистывались в никуда. Будто бы и он сам, и все его правление было кем-то свыше проклято. Это, конечно, ерунда полная. Статистика событий и теория вероятностей. И на ком-то эта теория должна же отыгрываться. Вот если его предшественнику часто до сверхъестественности везло на голом нуле, то, стало быть, по закону больших чисел непременно выпадет и время крайних неудач. Сначала, правда, все шло хорошо, может, Ермолову удалось зацепить хвост старых поблажек, дарованных судьбой. Но затем, поначалу будто легкой грозовой тучкой, а после и огненным мечом над головой, зависла беда. Особенно в последний год. Когда все, казалось, удалось преодолеть, и даже в Ичкерийском ханстве показался свет в окошке. И Россия смогла доказать всем неверующим, что еще вполне в силах наподдать кирзовым сапогом под зад своим недругам за дальними и близкими морями. Иногда Ермолову мерещилось, и даже снилось однажды в ночном кошмаре, что некая рука свыше мокрой грязной тряпицей стирает с грифельной доски времени результаты и успехи всех его усилий. Пакость была такая, что он от ужаса даже не спал более в ту ночь.

И денег в казне полно, и за баррель дерут так, что Луну можно осваивать прямо сейчас. И кто надо сидит на исправлении там, где ему и положено, и губернии приведены кое-как к одному знаменателю, и армейские почти не жалуются, и гражданские не слишком голодают, а напротив, теперь желают зрелищ. Живи да радуйся, а как угробишь себя трудами, то, может, и памятник отжалеют на непоследней площади. И выйдет второй Ермолов не хуже первого.

Только зараза, что идет с Востока, плевать хотела на все его планы. Идет-то она с Востока, да ведь и на Западе словно белены обвелись, пытаются нарочно столкнуть лбами, и самым невдомек, какого джина выпускают на простор. Обклались по первое число заокеанские союзнички и перевели стрелки, а у него народонаселения на безразмерной территории сто двадцать миллионов курам на смех. И жадных глаз вокруг полно. Пока страна спокойно спит, а что будет завтра? И подумать страшно. Тайные переговоры с Объединенным Халифатом провалились, спроси почему, ведь все же, что могли, сделали. А теперь жди скандала и с багдадскими послами из Новой Вавилонии, тут уж спасибо Турандовскому, что удружил. И разведка доложила дружно, что копят, копят они там за пазухой здоровенные томагавки. Хорошо, хоть товарищ его верный, господин президент Султан-Гиреев, хозяин Семиградья, пока прикрывает ему и себе задницу. Но и за него могут взяться в любой момент, граница – вот она, под боком. А там Белопалатинский космодром и еще много чего интересного. Долбанут – так костей не соберешь. Ермолов и без того уже отдал негласный приказ сократить международные новости по всем каналам до минимума. Пусть пока сообщают об открытии свежестроенных храмов и о святых мощах, по его же распоряжению нещадно таскаемых из одного конца страны в другой, даже и из Афона выписал на поклонение останки Святой Магдалины. Патриарх пусть и ворчит, но пока терпит, хотя поток богомольцев ныне такой, что впору мавзолее отдавать под странноприимный дом.

Тут, однако, уединенное его пребывание, как и ход неутешительных мыслей, было прервано. Впрочем, сам же велел: в девять утра как штык, что бы ни случилось. Вот Альгвасилов

и явился, не самый важный, но любимый его референт, хороший парнишка, преданный ему, как фанатичный индус колеснице Джаггернаута.

То да се. И неожиданно – вроде как заминка в расписании. Ермолов вопросительно поднял бровь.

– Отец Тимофей очень просит принять, – осторожно поведал Альгвасилов и немного зацвел румянцем на свежих щеках.

Это было действительно необычно. Духовник не духовник, а скорее давний друг сердечный, каких наживают в невзгодах – вроде и ничем не примечательный приходской протоиерей, теперь по его воле – официальный исповедник президента. И ведь не возгордился. Только издергали беднягу отца Тимофея всего: попроси того да попроси этого, – а он и отказать не может, и к Ермолову не пойдет с челобитной ни за что, скорее язык свой проглотит. Вот он и приказал стороной дознаваться о печалях отца Тимофея, в миру Петра Лукьяновича Оберегова, и жить мешающим просителям наступать на хитрый хвост. И ведь он, Ермолов, для отца Тимофея до сих пор не столько Ермолов, а щуплый паренек с нотной папкой в руках, которого некогда местный хулиган Петька Оберегов запретил трогать во дворе, а после сам за руку и отвел в боксерскую секцию. И объяснил на русском народном, каким лучше владел, – пианино, оно конечно хорошо, но его с собой не вынесешь и по морде им не треснешь, то ли дело кулаки. И велел – без разряда ему на глаза не попадаться, выдерет. Дома мальчика Вову, конечно, ожидало тогда бурно-интеллигентное объяснение с обоими родителями, но все же перчатки ему были куплены, равно как и миниатюрная груша. Определен он был, хрупкий и доходяжный, в наилегчайший вес. Но с возрастом даже дорос до полулегкого, а спустя несколько лет, путем недетских страданий и долгих, мучительных усилий, предъявил Петьке, только что вернувшемуся с армейской пограничной службы, не то что разряд, а всамделишную медаль за первое место на областных соревнованиях среди юниоров. С тех пор так и повелось, что за все свои первые в жизни места и за гремучие неудачи, каких тоже выпало немало, Ермолов как бы отчитывался. Нет, не перед рукоположенным отцом Тимофеем, а именно перед тем самым хулиганистым Петькой, некогда так нахально вторгшимся в его детское существование.

Но никогда отец Тимофей не напрашивался к Ермолову сам. Ждал, когда позовут, понимал, что мальчик Вова давным-давно вырос и перерос его самого и что в его силах лишь посочувствовать безмерной ноше, возложенной отныне на его бывшего младшего друга. Значит, случилось нечто экстраординарное, раз отец Тимофей просит о встрече, да еще столь официальным образом.

– Хорошо, Витя, сообщи преподобному – приму завтра. У себя, в Огарево.

– Будет сделано, Владимир Владимирович. Вот тут еще... – Альгвасилов всегда мялся, как первоклассник, внезапно захотевший пописать у доски с задачей, когда ему выпадала необходимость первому поведать своему вышнему начальству неприятные известия.

– Ох, Витя, не тяни. Выкладывай свое «тут еще», – несколько раздраженно поторопил Ермолов заботливого помощника. С одной стороны, Витя наивным таким способом хотел как бы подготовить любимого шефа к нехорошим новостям, а в реальности только напрасно мотал Ермолову душу в ожидании.

Ну так и есть – копия протеста МИДу, да еще с плохо завуалированными угрозами. Чуть ли не ультиматум: или публичные извинения, или посол Новой Вавилонии немедленно покинет пределы страны. И ведь придется извиниться. Вчера еще выкатился бы вон этот нахальный посланец, да еще наподдали бы ему на прощание: за такие ноты морды бить надо, как сказал бы в своей лихой молодости тот же отец Тимофей. Но сегодня нельзя. Малейшее обострение смерти подобно. Ну ничего, даст Бог, пронесет, тогда припомнит еще лично он, Ермолов, сегодняшнее унижение. Зато Турандовского пора ставить на место.

– Ты вот что, Витя. «Принцессу» нашу на месяц от всех эфиров, теле и радио, отстранить, к людям не выпускать, в Думе скажи Котомкину, я велел: Турандовскому слова не давать и вообще речи его в план не ставить. Пускай охолонет немного.

– Давно пора, Владимир Владимирович, – с энтузиазмом откликнулся Альгвасилов; сказать что он недолюбливал «принцессу» – значило бы жестоко исказить истину.

А дальше день навалился на Ермолова в полную силу и даже хватил через край, выжав из него и тот восьмой пот, который в народе прозывается кровавым. Про отца Тимофея он, конечно, позабыл, хотя просьба его и кольнула тревогой. Но до тревог ли сейчас, когда кругом тебя бьют громы и молнии, а громоотвода нет и не предвидится.

Конечно, об отце Тимофее ему напомнили в соответствующее время, а было оно уже и поздним. Но это даже хорошо. В доме, вернее на том крошечном островке частной жизни, который Ермолову милостиво оставлял протокол, душевного и скромного протоиерея любили. И жена Ермолова, Евгения Святославовна, и особенно дочь Лара. Иногда Ермолову даже казалось, что между Ларой и преподобным существуют некие секреты, ему не пересказываемые, и что даже его собственная жена этим секретам потворствует. Домашних Ермолов держал жестко, а те в свою очередь платили ему благоразумным подчинением, хотя и как бы нарочитой отстраненностью. Конечно, и Женечка и Лара все обо всем понимали, но и человек, даже самый верный и любящий, всего лишь земное существо. Само собой, порой и им хотелось, чтобы у Ермолова на первом месте были собственные жена и дочь, а уж государственные интересы на втором. Но это-то как раз получалось невозможным, и иногда, очень сдержанно, Ермолову давали понять обиду. В особенности Лара. Чувствовала, что отец обожает ее до безумия и оттого именно закручивает гайки, часто и сверх меры, потому уходила от него куда-то глубоко в себя, вывешивая как бы табличку «в доступе отказано». Ермолов не сердился, а думал только, что вот уйдет он на покой, если с его заботами доживет, конечно, до этого благословенного времени, и там уж и тогда уж раздаст долги и дочери, и жене. Намерение его было неосуществимым абсолютно, но утешало.

Привыкший всего и всегда добиваться практически в одиночку, Ермолов мало чего в жизни боялся и мало чем брезговал. Но не принадлежал и к числу тех, кто гордо шагает по трупам. В президенты огромной страны он и в самых честолюбивых мечтах не стремился никогда, он вообще не ставил себе планку выше, чем на один следующий шаг. Может, поэтому и взобрался на самую вершину недостигаемой горы. А долгие годы преодолений, больше самого себя, чем случайных обстоятельств, научили его ценить скрытые заслуги, а не шумные и показные достижения. Хотя и унижений «ни за что», и тяжких компромиссов, кои нельзя было обойти, пережить ему выпало достаточно много.

Он хорошо помнил свое первое назначение, когда молодым дипломатом, без особенной протекции, а лучше сказать – и вовсе без какой-либо, прибыл он в Варшаву. И просидел там без малого и безвылазно пятнадцать долгих лет. А сейчас умники потешаются. Дескать, какой же бездарью нужно было уродиться, чтобы всю свою дипломатическую карьеру провести в недоразвитой стране соцлагеря. Только неплохо бы тем умникам, глянцевым и выездным за зипунами в Канады и Италии, заглянуть в календарь и просветиться, который тогда стоял на дворе год. И Польша мало чем уступала иной горячей точке, для работников советского посольства в частности. Один Ярузельский сколько крови выпил, а уж о его предшественнике что и говорить. И чего стоило удерживать ситуацию хотя бы под подобием контроля. Да еще «Солидарность», да Ватикан, да скандал с расстрелом польских офицеров, и что ни день, то новая могучая кучка ароматного дерьма. Однако именно в Варшаве будущий президент и получил свое первое крещение чернилами и интригами, в любую секунду могущее обернуться в причастие кровью и пулеметами. Ермолов о годах, потраченных им на польские дела, не жалел ни разу, такую школу дай бог всякому, одной железной выдержки достало бы на десятерых. Он научился не страшиться крайних мер, кланяться на коврах и держать одновременно за пазу-

хой наготове увесистый булыжник, дорожить каждым словом и ничего не говорить на ветер, замечать сущие пустяки и делать из них верные, очень далеко шагающие выводы.

И все же Ермолов понимал: он – президент мирного времени. Военный диктатор, случись катастрофа, из него не выйдет. Тут нужна особенная харизма, которой, как полагал Ермолов, он обделен. Управлять и вести, пусть даже уверенной и крепкой рукой, – это одно дело, а драться без оглядки и насмерть, жертвуя хорошо бы еще своей, а то ведь миллионами чужих жизней – совсем другое. Оттого и Ичкерийское ханство замирял по преимуществу подкупом и шантажом, хотя и стучали генералы кулаком по столу: доколе терпеть и не трахнуть ли ракетным арсеналом. Денег порастряс столько, что хватило бы для основания второго Петербурга на самом непроходимом болоте, но лучше деньги, чем кровь. Давал направо и налево, лишь бы обожрались, и ичкерийские доходы показались бы слишком беспокойной мелочью по сравнению с щедро оплаченным миром. Что и говорить, славу своего тезки, прошедшего Кавказ вдоль и поперек с пушечным огнем и жадными до человечины саблями, он не поддержал. Но, может, оно и к лучшему. По крайней мере, отец Тимофей был полностью с ним согласен. А мнением преподобного Ермолов дорожил.

Священник вошел как всегда бесшумно, словно дух. Хоть и был высок ростом и достаточно осанист, но вот ведь – двигался легко, вроде бы парил внавет над землей, только черная, очень простая ряса его колыхалась с едва ощутимым шуршанием. Лара тут же кинулась отцу Тимофею навстречу, не будь тот священнослужителем, так и, наверное, на шею. Да ведь девочке уже девятнадцать, а ни подружек близких, ни молодых людей, живет почти как монашенка, но ему, Ермолову, так спокойней. И нечего удивляться, что сострадательный и чуткий преподобный Тимофей и служит ей, будто отдушина во внешний мир, в который Ларе так безжалостно, но и необходимо путь закрыт.

Долго не засиживались по-семейному, Ермолов был уже на пределе усталости, а преподобный ерзал, видимо, очень нужно выходило поговорить с глазу на глаз. Извинились перед женщинами, ушли в дальний кабинет.

– Что стряслось, Тимоша? На тебе лица нет, – ласково обратился к преподобному Ермолов, и только сейчас до него дошло, что сказал он сущую правду, и не для красного словца.

Отец Тимофей и в действительности лицом был плох. Ермолов этого сразу не отметил только из-за сонной мути, накотившей на него под вечер: все вокруг ему тоже казались сонными и мутными и оттого как бы естественно нездоровыми. Но преподобный-то совсем уж выглядел из ряда вон. Словно бы видел кошмар наяву и никак не мог от него очнуться.

– Володечка, ты мне скажи, будто мы сейчас с тобой на исповеди, не приключилось ли в последние, может, месяцы чего? – Вопрос получился у преподобного настолько дурным и странным, что Ермолов подумал, уж не сошел ли отец Тимофей с ума.

На самом-то деле никакого особенного ритуала исповедания меж ними не происходило и в помине. С душевными заботами Ермолов и без того шел только к единственному старому другу, а заботы политические преподобного никогда и не интересовали. Тайн он не выводывал, советов по государственному благоустройству не лез давать, да и не смыслил в том ни бельмеса. И вот вдруг.

– Да что же могло приключиться? Заботы – они и есть заботы, – уклончиво сказал Ермолов. – Со здоровьем, что ли?

– И со здоровьем, – в мягкой настойчивости, но очень встревоженно осведомился преподобный. Было отчего-то видно, что так он не отстанет.

– Да как всегда. Как заступил на это место, так и стою, будто голый на юру. Что здоровье, с тех пор одним святым духом и держусь, – попробовал пошутить Ермолов. Да так оно и было в действительности. То ли от лютой усталости, то ли от непроходящей, вечной игры нервов, а мучили его и головокружения, и чуть ли не до обмороков порой доходило. Но Ермолов дер-

жался, врачам не жалился: показывают их приборы норму, и ладно. А нюни распускать он не привык. – Нормально это. Ты, Тимоша, не беспокойся.

– Не нормально. То-то и оно, что ненормально. Но я не об этом. Ты мне скажи, что в мире делается? Не бойся, никто меня не вербовал, да и не подробности мне нужны. Ты только ответь: страшное есть? Такое, что в одночасье все порушить может?

Тут уж Ермолов всполошился не на шутку. Не стал бы преподобный задавать такой вопрос, если бы не крайние некие обстоятельства. И тут же учуял, что без ответа продолжения не будет.

– Есть, Тимоша. Но это уже настоящая государственная тайна. Прости, даже на исповеди не могу, не обессудь, – сказал Ермолов, будто отрезал.

– Значит, не наврал, – заупокойно молвил отец Тимофей и как-то совсем сник.

– Кто не наврал и чего не наврал? – осведомился уже чуть раздраженно Ермолов. Ситуация становилась теперь не беспокойно-комичной, а попросту дурацкой. Кого другого, кроме преподобного, он уж и выставил бы вон.

– Ты, Володя, не сердись. Это так враз не объяснить. Видишь ли, месяц назад ко мне пришел один человек. Сам пришел, не по рекомендации и не просить чего. Ты не думай. Я тоже сперва решил: он сумасшедший. Но я-то – не ты, я и с сумасшедшим говорить обязан. Вот и поговорили, – с горечью подвел итог преподобный.

– И что? – с некоторым пробуждающимся интересом спросил Ермолов. В его богатой практике такие вещи уже случались. За незначительную порой ниточку вытягивалось на свет Божий иногда такое, что волосы дыбом вставали. Вплоть до заговоров с переворотом. Неужто и он что-то похожее проморгал? Тогда солоно придется кое-кому в ведомстве Василицкого.

– А то, что ты, Володя, непременно должен с ним поговорить. И непременно один, ну разве только в моем присутствии, а более посвящать в это не нужно никого, – твердо и словно на что-то решаясь, проговорил отец Тимофей. – Не бойся, у него не будет пистолета за поясом и ножа в рукаве. Он, впрочем, мелкий чиновник из твоего финансового ведомства и вообще человек хороший, я таких вижу. Так как?

– Хорошо, – принял решение Ермолов. Чутье, редко его подводившее, указывало на большие неприятности, если он примет этого загадочного финансового человечка, и в то же время оно извещало о неприятностях неизмеримо больших, если человек этот пройдет мимо него. – Через неделю позвони моему Вите. А раньше не могу. Завтра отбываю в Екатеринбург, оттуда по Сибири. Да ты знаешь.

– Знаю, потому и прошу, Володя. Как вернешься, не откладывай. Я прямо на колени встану и умолять тебя здесь буду всем святым, что у тебя есть. – И отец Тимофей действительно рухнул коленопреклоненный перед опешившим президентом.

– Да что ты, что ты, Тимоша, встань, бога ради, – кинулся Ермолов поднимать преподобного за руки. – Приму я твоего человека, я же сказал. Теперь уж непременно приму, – и Ермолов произвольно схватился за вдруг сжавшееся в тревоге сердце.

Глава 4

Враг моего врага

Издали потянуло дымом кострищ. Значит, было уже совсем близко. Арпоксай тревожной рукой, но все же ласково потрепал едва плетущегося в подобии рыси Лика, дескать, потерпи, дружище, осталось немного. Бедный коняга, с честью выдержавший безумную трехдневную гонку, даже не сумел заржать в ответ на хозяйскую ласку – так вымотала его дорога. Да и сам Арпоксай еле сидел верхом, не чувствуя одеревеневших ног и рук. Одному Тоху было хорошо. Мирно дрых огромный кошатин в уютной торбе, словно младенец в колыбели. А на коротких стоянках обжирался конским мясом и драл когтями траву, наслаждаясь поездкой.

Часовой пропустил Арпоксая, в изумлении отсалютовав коротким дротиком, будто не поверил, что так скоро видит вновь царского гонца. Солнце уже стремилось стать в зените, в лагере царила беспокойная и какая-то гнетущая суэта, что случается в часы подступающей опасности. Над царским шатром развевалось знамя: черное с белым – указующие на две стороны человеческого бытия, и к ним полосы красного и золотого – знаки бешеной крови и необъятного богатства. На знамя как на ориентир Арпоксай и держал направление. У шатра его сразу признали, подхватили коня заботливые руки, уж кто-кто, а Лик немедленно получит свое. Он тем временем сунул первому попавшемуся конюху суму с Тохом, строгим голосом велел тут же и доставить к его повозкам. Ничего, и котище заслужил, и прислужники пусть побегают, и жена поймет – с ним все в порядке и вот подарок. Время, однако, терять было нельзя – царь уже ждал, извещенный о его прибытии. Арпоксай для приличия все же успел обтереть от въедливой пыли лицо и русую бороду, встряхнуть и почистить слегка свой знаменитый страшный плащ, немало истасканный в дороге. Потом с низким поклоном переступил порог шатра. Падать ниц не стал. И тому были две причины. Он не исполнил в точности приказа своего хакана и не привез старого Велесарга, а, напротив, допустил его гибель. Но с другой стороны, от казни за неповиновение его могло спасти только необычайное, почти безумное в своем нахальстве мужество, и без него последнюю волю жреца привести к действию никак было нельзя. И он не стал падать ниц.

Хакан Иданфирс ждал на своем деревянном, украшенном чеканным золотом, походном троне. И видно было – ждал с нетерпением и испепеляющей сердце надеждой. Арпоксай произнес необходимые по этикету пожелания здоровья и счастья и приготовился ожидать царского вопроса, после которого гонец мог уже и начинать свой рассказ.

– Все ли ты исполнил по моему велению? – молвил хакан и впился глазами в гонца, будто палач, медлящий с исполнением приговора.

– Я не привез жреца. Велесарг умер на моих руках, – произнес Арпоксай и гордо скрестил на груди обе руки. Это было наглостью неслыханной в царских шатрах и даже подле них, но именно это, возможно, и спасло его от немедленного отсечения головы церемониальным мечом.

– Сын блудливой крысы! Навоз из-под хвоста моего коня! Содранная с тебя живьем кожа да украсит землю под моим тронem! – загремело гневно с царского седалища, но Арпоксай даже не шелохнулся. – Отвечай, поганый раб, как ты смел? Как смел предать твой народ и твоего царя? Лучше бы подох сам! Отвечай, ты, грязная собака, пробавляющаяся падалью, что делать теперь твоему царю, когда ты не сберег жреца, единственную нашу надежду?

– Отныне я за него! – громко и очень властно сумел крикнуть Арпоксай и тем осадил царский гнев.

– Ты за него?! – Иданфирс в изумлении даже привстал с трона, хотя и нарушал этикет.

– Я за него, по его воле, с властью, данной мне перед смертью Велесаргом спасти мой народ... и моего неблагодарного царя. – Арпоксай уже мог позволить себе такое опасное заявление, ибо понял, что выиграл.

– Ты можешь спасти? Что же, если ты не лжешь, я – Великий Хакан всех скифов – возьму свои слова обратно и дам тебе место по правую свою руку, – поспешно сказал Иданфирс, так был обрадован вновь проглянувшим лучом надежды.

– Я не лгу. Я не один из этих ничтожных подъяедал, что гадают на крученой липовой мочале. – И Арпоксай презрительно кивнул в сторону придворных волхвов, обиженно застывших позади трона. – Припомни, много ли они принесли тебе пользы и сколько содрали с тебя золота за свои никчемные услуги. А я ничего не прошу. Я лишь хочу спасти своего царя и своих братьев-скифов, в этот раз отдав им в дар не свою жизнь и свою кровь, но свою мудрость. А это, хакан, поверь, тоже немало.

Иданфирс, пораженный гордой мощью слов и почти поверженный уверенностью Арпоксая в своей силе и правоте, сумел только спросить:

– Что же я теперь должен сделать? С этого мгновения – ты мой советчик, поэтому отвечай!

– Созови военный совет, и немедленно. Но лишь близких военачальников и самых преданных придворных. И пусть мои только конники, которых я отберу лично, окружат и хранят твой шатер, чтобы и земляная оса не пробралась внутрь.

Все скоро было исполнено, как и хотел Арпоксай. Он тем временем отобрал лучших своих людей; в полном вооружении с луками наготове заступили они место возле царского шатра. Только после этого Арпоксай последним вошел внутрь. А там, уже возмущенный, гудел маленький рой царских приближенных. Очень недовольных странным и внезапным возвышением до царского совета этого загадочного, сурового конного командира. Однако побаивались Арпоксая за безжалостный и ничем не устрасшимый нрав не то что придворные, но и закаленные в битвах военачальники, имеющие на себе человеческой кожи плащи, и подлиннее, чем у него самого. Потому с его приходом ропот сам собой прекратился. Только тщедушный Скил, старший царский стольник и наутный советник, ощерился в его сторону. Впрочем, Скил тем и славился при дворе, что подозревал в измене и кусал всякого, кто осмеливался близко подойти к лелеемому им трону. Однако Иданфирсу Скил был беззаветно предан, словно амазонка своему копы, и за это ему прощалась его угрюмая злоба.

Когда церемониал, предшествовавший началу совета, завершился, Арпоксаю велели говорить. Он вышел на середину шатра, в круг стоявших по бокам советников, перед Иданфирсом, теперь сидевшим на подушках из шкур барсов, чтобы подчеркнуть интимную доверительность совещания. Арпоксай поклонился, прижав правую руку к сердцу, после выпрямился и жестким, не терпящим противоречия голосом приказал подать жертвенное блюдо бога Арея. Все ждали в полной тишине. Когда блюдо чистого золота, совсем старинной чеканки, с неровными, в зазубринах краями предстало перед ним на вытянутых ладонях старого скифа Агара, древнего слуги хакана, выпестовавшего маленького Иданфирса с детства, Арпоксай развязал принесенный с собой небольшой кожаный мешок.

На блюдо упали дохлая мышь-полевка, хорошо засушенная болотная жаба, сбитый в полете жаворонок. Арпоксай вытащил из заплечного горита пять стрел и медленно, со стуком положил их рядом с крошечными трупиками животных. Агар сморщил мясистый нос и попятился, но блюдо по-прежнему держал перед собой. Никогда старик ни на палец не отступил бы от своих обязанностей, ибо великая мечта его заключалась в том, чтобы умереть вместе со своим царем и быть похороненным в его кургане. Мечта совершенно неосуществимая, потому что для ее исполнения либо хакану необходимо было вскорости покончить свои дни, либо старику прожить двойной человеческий срок.

– Что это значит? – в великом удивлении спросил Иданфирс, но не получил ответа.

Арпоксай нарочно молчал и только многозначительно улыбнулся. Советники решили, что это знак и перед ними одна из тех самодельных загадок, на которые и они сами были большие мастера. На выбор, перебивая друг друга, тут же и предложили множество объяснений, одно утонченней другого. И сам хакан на короткое время отвлекся от тяжких мыслей, включился в игру, желая непременно победы, и то и дело поглядывал на Арпоксая, как бы намекая тому, что первый приз в изощренном состязании необходимо присудить именно царю. Но Арпоксай все еще молчал, как окаменевшая от собственного взгляда голова Медузы. Наконец, видя, что хакан теряет терпение, перестал злоупотреблять царским вниманием.

– Это хорошо, что великий хакан и достойные его мужи, собравшиеся здесь, так горячо принялись отгадывать головоломку, на которую нет ответа.

– Как это нет ответа? – с яростной обидой выкрикнул Скил, наиболее других расстаравшийся в многомудрствовании.

– Нет ответа, потому что он и не нужен. Все эти предметы не значат ничего, кроме одного. Они привлекли внимание моего хакана и совета, – пояснил Арпоксай.

– Ты хочешь что-то спрятать в траве? Чтобы среди холмов не видно было наших могил? – Это сказал Таксакис, младший хакан и брат Иданфирса, славившийся не столько грозной властью полководца, сколько умом волхва.

– Младший хакан прав. Пусть у Дария расколется его черная голова, когда он будет решать эту бесплодную загадку, – одобрительно сказал воин-волхв и поклонился.

– Но что же нужно скрыть среди этой дохлятины? – в нетерпении хлопнул ладонями по шкурам подушек хакан Иданфирс.

– Вот это! – Арпоксай вынул из поясного мешочка крохотный бронзовый сундучок, опрокинул его над блюдом, и подле мертвой мышки пыхнуло зеленым сиянием. – Не прикасаться! Под страхом смерти – не прикасаться к нему! – крикнул что было силы Арпоксай, видя, что любопытный и опасливый Скил потянулся к камню, якобы проверить его настоящую драгоценность. Скил отдернул руку, не на шутку испугался.

– Что это за гадость? – снова спросил младший хакан и опять как всегда оказался прав. Иначе как гадостью и сам Арпоксай не стал бы называть этот жуткий глаз змеи.

– Неважно, что ОН такое. Важно, что ОН может. И что сделает. Отправь посольство к Дарию, мой хакан, отправь без промедления. И я сам пойду с блюдом во главе. А когда Дарий примет подношение, а он примет, ибо даже Скил не смог устоять перед обаянием камня, его постигнет безумие. Ибо таково проклятие, заключенное в НЕМ для нашего врага.

– Безумный Дарий! Ха-ха-ха! – довольный, засмеялся хакан и потер свои ладони. – Кто же тогда поведет его войско?

– Безумие, которое постигнет Дария, не будет явным... Постой, мой хакан, дай мне сказать до конца. Что толку, если в мидийском войске станет иной начальник? Может, еще более свирепый и опасный? Лучше уж пусть его ведет нынешний Дарий, но Дарий, который из многих решений своей судьбы-мойры выберет самое глупое и бесплодное! А камень заставит поступить так, едва только Гистасп коснется его хотя бы пальцем. А он коснется, уж можешь мне поверить.

– Но что же нам делать после? – спросил Иданфирс, не до конца все же успокоенный витиеватым обещанием.

– А после ты выйдешь в поле, чтобы дать бой. Как того и желает Дарий.

– Богиня Табити похитила твой разум! В открытом бою нам не выстоять против персидских полчищ! – гневно крикнул Иданфирс, и гул голосов подтвердил его правоту.

– И не надо. Вы только выйдете на бой, но не примете его. Зато скифское войско сможет отступить и разделиться, и каждая его часть поведет за собой персов. Заманивая в бесплодную степь без воды, жаля и терзая без пощады в коротких набегах, пока враг наш совсем не ослабеет и одним лишь желанием его не станет поскорее убрать копыта своих коней с нашей земли.

– Дарий не пойдет на это, он же не глупец, – пробурчал зловредный Скил из тени трона.
– Пойдет. Камень заставит его, – произнес так, будто изрекал пророчество, Арпоксай.
– Но после он все равно вернется. И возможно, с еще более великими полчищами, – предостерег его младший хакан Таксакис.

– Не вернется. И у него не будет больше побед. Ни на нашей земле, ни на чьей-то еще. А после, очень скоро, и срок его жизни подойдет к концу. А когда третий по счету царь, носящий такое же имя, сядет на трон в Сузах, все его царство перестанет существовать, и род Ахеменидов угаснет. И проклятие камня завершит свою работу. Но это будут уже не наши заботы и даже не наших потомков.

– Звучит ужасно, но... Да будет так, – изрек Иданфирс и сделал охранительный знак в сторону глаза змеи. – А сейчас унеси ЕГО прочь. Одно присутствие этой зеленой твари вселяет в меня кошмар ночи. А никто еще – ни дух, ни человек – не мог похвастать тем, что смог напугать меня, бесстрашного владыку Иданфирса.

Посольство приближалось. Персидские стражники расступились в стороны, скривив лица в презрительных ухмылках. Но тронуть послов, конечно, было немислимым делом, и Арпоксай со своими конниками въехал без препятствий в ограду из копий. Дарий ждал.

Посол встал на одно колено. Это не вышло унижением, а таков был ритуал. Хотя Гистасп и царь с вражеской стороны, но все же он великий государь, которому принадлежит немалая часть вселенной, от земли фараона, до согдийских пастбищ и оттуда обратно до Геллеспонта. И уважение должно быть соблюдено.

– Мой хакан Иданфирс, сын Зевса-Папая, избранник Апи, любимец Посейдона-Тагима-сада, посылает к тебе, Дарий Гистасп, великий царь Персии и Мидии и всех твоих земель, по божественному праву взойшедший на престол в Сузах – по милости Ахура-Мазды, в Вавилоне – по воле Мардука, в Фивах Египетских – как воплощение Ра.

Закончив необходимое перечисление титулов обоих владык, Арпоксай склонился и сложил под ноги Дарию заветное блюдо.

– Здесь ответ моего хакана. И если великий Дарий все еще желает битвы, пусть вывесят над его лагерем двойной царский стяг. Если нет, то ты, Дарий, прослывешь мудрейшим среди царей, буде просто уйдешь с нашей земли. – Арпоксай с лукавой потаенной улыбкой поклонился еще раз. Он уже успел заприметить жадный взор Гистаспа, устремленный на изумрудный глаз небывалого размера и невиданной глубины и чистоты.

Когда послы удалились прочь, в шатре поднялся настоящий гвалт. Уже раболепные придворные шептались в уши Дарию, что подношения те – не иначе как к признанию хаканом своего поражения.

– Он отдает тебе воду, ветер и землю, оттого и жаба, птица и мышь, – твердили подхалимы на все голоса, желая, чтобы на них царь обратил свой взор.

– Когда глупость слишком велика, она становится заразной. – Это сказал Гобрий, ближайший советник и лучший военачальник царя. – Не слушай их, Гистасп, ибо весь их ум на их языках. Если Иданфирс желает сделаться твоим рабом, к чему тогда его послам предлагать нам драку, а иначе советовать убираться прочь из их драгоценных степей?

– Тогда пусть ты, Гобрий, станешь толкователем, раз уж с нашей легкой руки все могущественнейшие маги Персии были без жалости истреблены. Или надо было пощадить хотя бы одного? – с подвохом спросил Гистасп, но уже не очень следил за ходом придворной перепалки. На ладони он подбрасывал, впрочем, очень осторожно, дивную драгоценность, переданную ему послом. Все же что ни говори, а этот дикий степняк очень учтив даже со злейшими врагами. И если эта блистающая морскими огнями изумрудная каменная гладь всего лишь призвана подсластить горький полынный сок оскорбления, что же, он готов признать у царя всех скифов наличие хороших манер.

– Обойдемся и без шарлатанских трюков. Чтобы истолковать послание, много ума не требуется, это по силам даже мне, скромному прислужнику твоего величия, – пробурчал задетый за живое Гобрий. Что и говорить, он и был некогда зачинщиком массовых казней персидских магов, но, Мардук да засвидетельствует его слова, никогда не видел в их фокусах ни малейшего проку. – Я думаю, смысл этих знаков таков: заройся в землю, как мышь, улетай прочь с поспешностью птицы или скройся в болота, как лягушка, иначе стрелы моих воинов истребят всех персов, до последнего обозного раба.

– Значит, мы выйдем на битву завтра же, и пусть над моим шатром поднимут двойной стяг Ахеменидов, – постановил Гистасп, все еще подбрасывая камень на ладони, не в силах отвести глаз от его удивительных чудес. И грядущее сражение, и даже воинственные, довольные вопли приближенных сейчас не вызвали в нем никаких ответных чувств. Дарий желал наслаждаться новой игрушкой и сейчас думал лишь о том, как лучше и надежней вставить ее в оправу и прикрепить к своей царской шапке. И непременно сегодня же. Он желает носить на своем челе такую красоту, достойную только его, царя царей. Даже смердящий конским потом здешний хахан это понял и отправил в дар то, что недостойно носить сам.

А на следующий день боевые пехотные порядки и конница вышли в степь. И хахан Иданфирс выстроил свое воинство ровно напротив врага в одном полете стрелы. С обеих сторон уже неслись подначивающие крики, порой и грубые оскорбления, битва вот-вот должна была грянуть во всем ее кровавом вое копий и стрел и блеске мечей.

Арпоксай стоял поодаль на правом крыле, последний в ряду своих конников, отборных воинов, имевших по десятку, а то и по более, человеческих кож на древках тяжелых копий. Его отряд и должен был стать замыкающим, что отсечет всадников Дария от основного войска – в случае если персы слишком скоро придут в себя и начнут преследование.

В рядах врага уже загредел барабан, значит, сейчас и дан будет сигнал к атаке. И Арпоксай понял, что пора. Он развязал мешок, в котором сидел – нет, вовсе теперь не нагловатый Тох, а серый степной заяц, на рассвете пойманный им в силки. Вспомнив тайные волхвовские наречения, Арпоксай погладил зайца между ушами, при этом шепча ему по секрету. Потом резко выбросил зайца из седла вдоль линии конников, на межу посреди двух замерших в готовности армий, и заяц бросился бежать ровными, гладкими скачками по ничейной пока земле. И тут, словно черное облако саранчи, с гиканьем и свирепыми воплями, скифское войско бросилось за быстроногим зверьком. Все пока шло так, как и было задумано. В рядах противника хорошо были видны замешательство от непонимания маневра и явное недоверие: уж не обманывают ли персов их собственные глаза? Скифы тем временем уходили прочь по степи. Немедленно разделившись надвое, теперь уж парные отряды мчались в разные стороны, расходясь острым углом. И когда облако душной степной пыли почти готово было рассеяться вдали, враг одумался и бросился в погоню. Нестройной оравой, сыпя проклятиями и стрелами вдогонку. Для царя царей это ведь неслыханное унижение и бесчестие – что дикие кочевники так явно выразили ему свое пренебрежение, предпочтя честной битве ловлю какой-то презренной длинноухой твари. И Дарий кинулся догонять. Тут-то наперерез и выскочил отряд Арпоксая. Лишенная в спешке здравого смысла и единой командирской власти, персидская конница в безумстве своего гнева понеслась за тяжелой скифской кавалерией. Арпоксаю того и надо было – тем временем из степи уводили обозы с женщинами и припасами, пока персы сбивали копыта своих лошадей в бесплодной гонке. А Дарий, словно помраченный в разуме, гнал и гнал преследование вперед. Пока не понял, что гонит впереди себя лишь степной ветер.

Когда уже светозарный Тойтосир-Аполлон, устав от дневных трудов, готовился удалиться на покой в вечный океан, Арпоксай со своим отрядом нагнал в степи царское войско. Довольный, подъехал он к походному царскому шатру, передал дежурному стражу меч, лук и кинжал и вступил в пределы царского покоя, гордый честно исполненным делом и в предвкушении

награды. Место первого жреца бога Арея и ближнего советника Иданфирса, не меньше, – вот что наверняка ожидает его за верную службу.

В шатре, помимо самого хакана, были только его брат Таксакис, старый слуга Агар и личный телохранитель, огромный, как погребальный царский курган, чуть глуповатый Савл. Но, видимо, церемонии торжества еще впереди, а теперь хакан, в знак особого отличия, желает сказать ему несколько слов наедине. Так и вышло. Иданфирс произнес все подобающие благодарственные речи и, прежде чем обозначить награду, спросил:

– Скажи мне еще одну только вещь. Не в силах ли будет Гистасп неведомым нам образом отвести проклятие камня? Можешь не скрывать от нас правду, ибо какова бы она ни была, для нас верный наш слуга Арпоксай навсегда останется мудрейшим среди мудрых.

– Он не сможет, мой хакан. Никто не сможет, кроме меня, даже если и узнает секрет. Но и секретом и властью над проклятием камня до истечения сроков его исполнения владею только я один. И уж поверь мне, мой хакан, я никак не собираюсь избавлять Дария от уготованной ему участи. – И Арпоксай позволил себе рассмеяться, чтобы подчеркнуть удачную шутку.

Иданфирс засмеялся тоже:

– Тебе это и не удастся, мой верный старый воин, на это есть и моя воля.

Хакан коротко взмахнул рукой. И тут же в горло Арпоксая вонзился свистящий в полете кинжал – телохранитель Савл прекрасно и без колебаний исполнил свою работу.

– Верность мертвых – наилучшая в этом мире, потому что ненарушима. Постарайся же, мой Арпоксай, сохранить ее и в мире ином и не таи обиду, – произнес Иданфирс, обращаясь уже к безмолвному трупу бывшего своего слуги. – Мне не нужен твой секрет, и пусть он останется навек произнесенным. Неси его и дальше, в царство другого владыки – Аида, и делай это с достоинством, как поступал при жизни. И пусть Апи пребудет твоей заступницей.

Глава 5

Визит с «пиковым интересом»

Однако на другой день Базанов не смог исполнить данного себе обещания прояснить дело с письмом и перевод археолога Забелина с «глупого» документа весьма древней эпохи положил до поры в рабочий стол. Чтоб был под рукой, да и не хотелось Андрею Николаевичу хранить письмо в доме, вместе с остальным княжеским архивом. К которому, надо сказать, он так и не прикоснулся – настолько тревожно и как-то даже боязно сделалось у него на сердце после вскрытия и прочтения фельдьегерского пакета. А важный, относительно конечно, человек перенес встречу. И немыслимо было его торопить, ведь не станешь же посвящать занятого и ответственного чиновника в суть почти смехотворных и пока ничем не доказанных опасений, да и в будущем вряд ли стоило это делать. Поэтому встреча по необходимости определена была носить как бы косвенный характер. Базанов сострепал и правдоподобную легенду, зачем ему вдруг понадобился случайный и неблизкий знакомец; к тому же услуга, некогда оказанная Андреем Николаевичем важному человеку, скорее выходила пустяшного свойства. И как же Базанов корил и проклинал себя после, когда каждый день уже шел в счет, за то, что не настоял на обязательности встречи.

Как уже говорилось однажды, Андрей Николаевич имел мировоззрение, более близкое к научному, и склонен был допускать в реальном мире лишь материальные, проверяемые в практическом опыте причины. Церковь и связанные с нею чудеса и легенды Базанов полагал не лишним, но вовсе не обязательным атрибутом морального облика отдельно взятого общественного устройства, то есть видел в религиозном культе и его отправлениях только вспомогательный механизм нравственного совершенствования. Но не более. А мифы о сказочных воскрешениях, шествиях по водам, исцелениях калек готов был признать за красочные и образные аллегории, долженствующие демонстрировать людям темным прописные истины.

И как то и случается непременно и всегда именно с закоренелыми скептиками, живущими исключительно в мире научных, эмпирических представлений, первое же столкновение его не подготовленного к вторжению сознания с иррациональными силами привело Базанова в смущение и беспокойство и породило нечто похожее на страх беспомощности. Он вступил на территорию, существование которой отрицал и опыта передвижения по ней не имел совершенно. Андрей Николаевич, в отличие от большинства своих современников, претендовавших на звание интеллектуалов, не вдохнул с воздухом идеологической свободы даже и грамма интереса к потусторонним и оккультным исследованиям, кои Базанов почитал абсолютно вредными и антинаучными. Он и гороскопов не читал, и на картах пасьянсов не раскладывал, и даже потешался над бедным Мухой, верившим в наличие у человека энергетического, астрального биополя. За что и поплатился. И у Базанова теперь не оставалось никакого иного выхода из психологического тупика, кроме как начать собственное расследование относительно «глупого письма» и тем самым снять с себя овладевший им внезапно страх и доказать на деле, что черта не существует и святая вода – суть лишь примитивное H₂O. Безудержный ужас, накативший на Андрея Николаевича прошедшим вечером под впечатлением от письма Забелина, наутро вызвал угрызения совести и натуральный стыд, и даже выпитая почти залпом жалкая бутылка вина ничуть его не оправдывала. Тем более что страх никуда не ушел, а как бы затаился в нем до поры. Состояние это было неприятным до крайности, и Базанов ближе к концу рабочего дня решительно снял трубку и вызвал к аппарату своего ответственного должника. Впрочем, дело свое он обставил нужным образом и, повздыхав над бюджетом, отважился раскошелиться. Должник слыл падким до халявы и кулинарных удовольствий эпикурейцем, и Базанов пригласил его для верности в ресторанчик неподалеку, может, не самый дорогой,

зато вкусный и солидный, часто посещаемый чиновниками средней руки все того же финансового министерства. Заведение прозывалось «У Хоттабыча» и имело соответственно несколько восточный колорит. Встреча была назначена на завтрашний вечер.

Ответственный работник, страшно сказать – администрации самого президента, в коей он, по чести и образно говоря, служил десятым помощником младшего советника, некий Олег Поликарпович, явился без опоздания. В нем и вправду велика была жажда до любых бесплатных подачек и привилегий. Но именно на это и надеялся втайне Базанов, зная Олега Поликарповича как пронырливого и, что важно, довольно хвастливого собирателя всяческих слухов и более-менее правдоподобных сплетен.

Когда положенные градусы были достигнуты и все прилагающиеся к ним блюда съедены, наступило время уже чистого питья и непринужденной беседы. Свой крошечный, надуманный вопрос-консультацию Базанов задал давным-давно и получил исчерпывающий ответ. А собеседник его и подавно был доволен, что откупился так дешево, поделившись малозначимой информацией по ерундовому поводу. Оттого Базанов особенно начал нравиться Олегу Поликарповичу и даже годился в более близкие приятели. Тем паче что казался нетрезвому уже десятому помощнику самым подходящим и доверчиво восторженным слушателем его седых с бородой кремлевских сказаний. Значимость в собственных глазах росла у помощника с каждой минутой, а вместе с ней росло и тревожное внимание Базанова. Наконец, залучив удобный момент себе в компаньоны, Андрей Николаевич и выложил с нарочитой небрежностью заветный свой вопрос.

– А помнишь, Олег, – к этому моменту оба собутыльника уже перешли на временное «ты», – помнишь, как нашему верховному, – тут Базанов благоговейно воздел очи к потолку, – на день рождения добыли подарок из Оружейки? Не ты ли мне и рассказывал?

– Не я. И не подарок то был вовсе, – оживился помощник, почуяв новую возможность распустить павлиний хвост и похвалиться своим всезнанием. – Я бы тебе такую глупость ни в жизнь бы не сказал. А на самом деле случилось это так...

И Олег Поликарпович поведал историю, представлявшую для него всего лишь очередной кремлевский анекдот, а для Базанов, чем далее, тем очевидней доказывавшую, что вляпался он не в свое дело, и похоже, по первое число.

– Семь лет, почитай, уж прошло, да я и не там вовсе работал в это время. Говорят, затеял всю авантюру тогдашний думский председатель Кукуев, очень за свое место трясся. И без Турандовского не обошлось. Этот куда хочешь пролезет. Ну «принцессе»-то с рук сошло, какой с него спрос, а вот Кукуев поплатился. На следующих же выборах его и прокатили, даже в партийные списки не внесли.

– А что было-то? – постарался направить Базанов откровения помощника в нужное русло.

– Что? Да ничего особенного. Обычный подхалимский выпендрей. То ли уговорили они с Турандовским, а может, и подкупили или даже запугали какого-то бедолагу-хранителя из Оружейки. И тот выдал им во временное пользование эту шапку. Все же день рождения Самого. Попробуй что возрази. Понятное дело, везли с охраной и с эскортом. На бархатной подушке с кистями. Так и поднесли два дурака. Верноподданнические чувства выражали.

– И что Ермолов? Неужто принял? – вроде с сомнением, а на самом деле с содроганием спросил помощника Базанов.

– Принял. Да, говорят, у него и выхода особенного не было. Там ведь «наблюдатели» сидели за столом. Послы и прочая шушера. Думали, так и нужно. Дескать, языческий обряд у дикой восточной демократии. Зачем лишний раз акцентировать. Подумаешь – шапка. Не корона же, в самом деле. А Василицкий, он тогда уже на страже стоял подле Самого, им и наплел. Мол, традиция, обычай, преемственность исторической власти... Те покивали и стали

смотреть. Про шапку-то первый раз в жизни слышали. И потом, это же не официально, а так, в атмосфере дружеского застолья.

– А дальше-то? Дальше что было?! – изобразив воодушевленный интерес и как бы требуя захватывающих подробностей, воскликнул Андрей Николаевич.

Помощник немедленно откликнулся, ему и самому желалось продолжить:

– А дальше Ермолов наш, молодчага, как ни в чем ни бывало, как будто каждый день ему шапки из кремлевских палат носят примерять, берет эту историческую ценность и кладет себе на голову. И улыбается. Вроде так и надо, так и было задумано. А после уже влез этот поп.

– Какой поп? – зловещим полупшепотом спросил Базанов, пальцы его впились до боли в обитые кожей подлокотники кресла.

– Какой-то. Там из Патриархии сидели тоже. Куда сейчас без них? И самый заваливающий праздник не отметишь, не перекрестившись. Тут же и Владыка был, и при нем то ли архимандрит, то ли митрополит, я в их чинах не разбираюсь. А только этот поп враз заголосил: «Печать и дар Святого Духа!» и что-то еще. Про Владимира Второго, царя Всея Руси. Тоже, небось, отличиться захотелось, угоднику. Вот он и запел.

– Что запел? – упавшим голосом спросил Базанов, хотя и того, что он услышал, было довольно.

– Да не знаю я. И эту-то фразу запомнил, оттого что часто повторяли. И до сих пор. Как ратифицировать какой документ в администрации, так шутники по сей день смеются и твердят, что вот – «печатка и дар Святого Духа». А попу тому нагорело. Владыка так его одернул, что даже и послы заметили. Да им сказали, дескать, пьяный. А после уже не до попа стало.

– Отчего? – будто выплюнул из себя Базанов, так ему свело скверным ужасом горло.

– Ну, это между нами. Ты парень свой, так что тсссс... – Помощник поднес короткий, волосатый палец к губам и сильно окосевшим глазом подмигнул Андрею Николаевичу. – Самому, говорят, плохо сделалось. От нервов, наверное. А может, для того, чтобы из положения выйти и шапку эту снять. Хотя, чтобы нарочно, вряд ли. Говорят, и кровь носом пошла, как такое разыграешь? И вроде обморок приключился. Но в чувство быстро пришел. А только после уж и на себя похож не был. Конечно, сильно разозлился. Ну, все сделали вид, будто инцидента и не произошло. «Наблюдатели», само собой, доложили куда надо. А с другой стороны, подумаешь, обморок. У них вон и калеки парализованные в президентах хаживали, и ничего. Милосердие, блин, западное.

После откровений помощника разговор потух как бы естественным образом. Вернее, Базанов умышленно спустил все на тормозах. Ему не терпелось поскорее избавиться от собеседника, и он даже отклонил щедрое предложение подвезти свою особу до дома на казенной машине. Время еще было не слишком позднее, и изрядно обедневший в смысле финансов Базанов поехал на метро. Вагон шел полупустой, а мысли Андрея Николаевича в такт колесному ходу отдавали тяжелым счетом метронома. Итак, шапку действительно надевали, и священник веры православной произносил слова. И Владимир, коронованный этой шапкой на царство, по порядку выходил Вторым. Князь «Красно Солнышко» в зачет не идет, шапка случилась позже. Ульянова-Ленина тоже можно смело отместить в сторону. Не станет же, в самом деле, первый в мире по рангу атеист-большевик принимать власть с царской шапкой на голове. Да и какие тогда попы?! Разве что в виде пищи для воронья развешанные по фонарям да наскоро сколоченным виселицам. Значит, прав получался этот выжига-архимандрит, или митрополит, или кто его там знает, наш Владимир по счету и будет Второй. В том-то и ужас положения, с душным страхом отметил про себя Базанов. Но стоп! Может, и обморок, и шапка только случайность в цепи совпадений? Надо разъяснить еще два момента. Значат ли что-то эти шутовские песнопения про «печатка и дар Святого Духа», и главное, что это была за шапка? Ведь их, по сути, в природе существует две – первого и второго наряда. Одна, собственно, шапка, именуемая Мономаховой. И дубликат, сделанный на коронацию Петра Великого, тогда еще

мальчика и младшего брата царя Ивана. Может, Турандовский и Кукуев взяли как раз другой, более поздний вариант? Утешение получалось слабым, но прежде чем поднимать панику вокруг потусторонних мракобесий, расследование необходимо было продолжить. Тем более что Базанов не имел ни малейшего представления, что ему делать дальше. Если все инструкции письма справедливы и в мире приключился по злой воле настоящий катаклизм. Он не мог поверить и не в силах был убежать от возможной сверхъестественной правды, которую назвать истиной у него не поворачивался язык. И Андрей Николаевич постановил себе пока уточнить полученные сведения, и если они совпадут с условиями «глупого письма», то только тогда, а не раньше, озаботиться дальнейшими шагами непонятно в каком направлении. Тут же в вагоне услужливая память и подсказала ему, что, кажется, именно у Мухи был в недавнем прошлом визитер из высших епархиальных сфер, что-то там решавший по поводу лицензирования благотворительных лотерей в пользу церковно-исторических ценностей.

Вернувшись на квартиру, несмотря на позднее время, Базанов кинулся к телефонному аппарату. И даже гневное гавканье бассета, желавшего экстренно выбраться на природу для исполнения своих фекальных дел, не возымело на Андрея Николаевича никакого действия. Дизраэли придется подождать, и ну его, когда такое творится. Муха был уж конечно дома, по будним дням, он как хороший работник подружек не навещал и вообще старался не огорчать свою старенькую мать поздними возвращениями. И Базанов в очередной раз возрадовался, что вот выпал ему на удачу такой единственный друг, второй сапог в паре и закоренелый холостяк, и что Муху разбуди пусть и глухой ночью, но если надо, и особенно от смерти, отказа не выйдет ни в чем. Вот и сейчас: услышал его вязкий, чуть гнусавый баритончик – и сразу стало легче.

– Ты чего трезвонишь, окаянный бурят? – совсем неласково осведомился Муха, впрочем, так он разговаривал всегда, обзывая Базанова не вполне понятными и объяснимыми именами. То ли грубовато-приветливого, то ли оскорбительного характера.

– Чтоб тебя мухи засидели! – скаламбурил Базанов, не желая оставаться в долгу. – Помнишь, к тебе священник ходил? Ну тот, по лотерейным делам...

– И не священник вовсе, а архиерей преподобный, отец Сосипатий. Из ведомства внешних церковных связей, от митрополита Мефодия. Эх, ты! Темнота лапотная! А зачем он тебе? – тут же с подвохом заинтересовался Муха. – Грехи отмолить или на путь истинный наставить?

– Да так, ни за чем, – уклончиво ответил Базанов. Посвящать Муху в суть своих терзаний и смущений ему пока не хотелось, да и отчего-то казалось, что выйдет это излишним и нечестным. – Просто копался в бумагах, в тех, что достались от Крымовой, и нашел любопытный оборот.

– Ну-ка, ну-ка! – тут же заинтересовался Муха, он и сам был вроде как коллекционером, только больше по иконам и всяческой народной старине. – Может, я знаю. Чего попусту занятых людей дергать, к тому же духовного звания.

– Может, и знаешь, я разве спорю, – миролюбиво согласился Базанов, отлично понимая, что, если начнет язвить, Муха назло станет тянуть с ответом и препираться. – Тут вот сказано: «Печать и дар Святаго Духа!» – Базанов сделал вид, что читает по невидимой рукописи. – К чему бы это?

– Вот уж ты хореk! А еще нумизмат называется! Ты хоть книжки иногда открываешь? – с гордым превосходством немедленно отозвался Муха. Ответ он явно знал и теперь наслаждался минутой. – Это же традиционная старинная форма, произносимая при помазании на царство. Еще с тех времен, когда венчали не короной, а шапкой. Ну той, что якобы от Мономаха осталась... Эй-эй, что там у тебя происходит?!

А Базанов выронил переносную трубку из ослабевшей вдруг руки, схватился за горло. Что-то леденящее и скользко-противное тотчас восстало внутри него, и Андрей Николаевич едва сумел добежать до раковины в ванной. Его вырвало. Спустя минуту он вернулся к телефону. Весь в поту и с очумевшей головой. Муха все еще преданно висел на проводе.

– Прости. Тут Дизраэли стошнило на ковер. Если сразу не убрать, сам понимаешь...

– Тьфу ты! И непременно тебе нужно пересказать! Я, может, бутерброд съесть намеревался, а теперь из-за тебя не хочу. Я думал, тебе, кулеме, на башку полка кастрюльная свалилась.

– Да все в порядке, – успокоил друга Базанов, хотя от порядка как раз было космически далеко. – Благодарствую за помощь и иди, ешь свой бутерброд. Ты сам хореk, и завтра увидимся.

Муха отключился, и Базанов смог тихо сесть на пол в углу. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, и сало с припеком, и танец с саблями во время чумы. И что теперь делать? И куда идти?.. А идти надо смотреть на шапку – вдруг с ясностью психопата постановил для себя Базанов. Чем это могло помочь, было не до конца понятно. Но начинать следовало от самого источника незаслуженно свалившейся на него бедоносной заботы, а никак не с конца, то есть со следствий, от сего источника происходящих.

На следующий день, в законный свой обеденный перерыв, Андрей Николаевич и потащился в Оружейную палату, благо было недалеко. Купил билет на экскурсию. В кармане его лежал сделанный им от руки список с «глупого письма» для сверки на всякий случай. От группы разевающих рот туристов он тихо и скоро отстал и напрямик отправился к стеклянной витрине с шапкой.

Долго смотрел, пытаясь охватить всеми доступными силами своего ума, как эта красивая и древняя вещь вообще может служить запредельным и сверхъестественным источником беды. Замечательный старинный раритет, сокровище нации, символ ушедшего царства и сменившей его империи, удивительный в своей уникальности и темный в происхождении. Но допустим, все же может. Допустим. И не за тем он пришел, чтобы пялить глаза и глупо вопрошать себя, как это да зачем. И за который грех он, Андрей Николаевич, человек случайный, оказался впутанным во всю эту зловещую паутину невероятных и сомнительных событий, открывшихся ему вдруг в обычном коричневом конверте.

Он потихоньку достал из внутреннего кармана пиджака листок и стал проверять. Так. Значит, пластин на шапке ровно восемь. Кто бы сомневался, так и есть. И только на одной из них кайма из глаголей развернута влево. Ага, на этой – углы орнамента идут вправо, на следующей тоже. А на противоположной, боковой? Влево. Базанов походил еще кругами, осмотрел шапку со всех сторон, хоть и с усилием. Из-за охранительной витрины видно было плохо, но с натугой и с угрозой свернуть себе шею Базанов исследовал всю кайму. Глаголи, развернутые влево, именно что присутствовали лишь на одной золотой пластине. И тут от дальнейших изысканий его отвлек интеллигентно-суховатый голос:

– Молодой человек, вы отстали от группы?

Базанов вздрогнул от неожиданности, обернулся. Подле него стояла худая пожилая женщина, вместо средневековых доспехов облаченная в мощные, толстенные очки в псевдородовой оправе, и грозно таращилась на заблудшего экскурсанта из-за стекол. Андрей Николаевич немедленно включил все свое братское чиновничье обаяние:

– Я, знаете ли, не намеревался совершать полный обход. Так, зашел по-соседски в обеденный перерыв, я служу неподалеку. – и Базанов с галантностью заговорщика развернул перед пожилой дамой свое министерское удостоверение. – Как говорится, не хлебом единым... Вот меняю пищу материальную на духовную. К тому же и экономия.

Музейная дама ощутимо подобрела и сменила менторский тон на доброжелательный:

– Еще бы, на наши-то с вами зарплаты. А вас, я смотрю, заинтересовал этот драгоценный убор? Случайно или увлекаетесь чем-то историческим?

И тут Базанов шестым чувством уловил некоторую для себя надежду и отважился:

– Не то чтобы случайно, а вдруг вспомнился один сошедший сверху слух, – и ощутил себя охотничьей собакой, идущей по следу медведя прямо в берлогу. – Якобы некие шутники

явили вашу ценность президенту для символической коронации. Или это была другая шапка, та, что предназначалась малолетнему Петру?

Базанов нарочно усомнился в том эпизоде сплетни, который касался лишь варианта пресловутой шапки, подчеркивая тем самым несомненность ее изъятия из Палаты и свою осведомленность. Уловка сработала, и дама-смотрительница, как бы ища его сочувствия, разразилась возмущенными репликами:

– Это было форменное безобразие! Кошунство! Беспредел властей, если говорить современным языком. Но что могли поделать мы, подневольные и зависимые? Мы, которые не позволили бы себе и прикоснуться к этой всемирно значимой ценности без надлежащего оборудования! А им что? Хватъ лапищами и потащили. Пятна, жир от рук! Варвары безбожные!

– Так над которой все же шапкой надругались варвары? – уточнил Базанов после долгого патетического ответного монолога, выражавшего его полное согласие и сочувствие.

– Над этой самой и надругались! – И дама энергично указала мизинцем на раритет за стеклом. – Именно что надругались! – Последнее слово она произнесла с особым смаком.

Они перекинулись еще парой реплик, порицающих подобное нахальство власть предержащих, и дама пошла своей дорогой прочь. А Базанов еще раз склонился над шапкой. Глаголи влево, значит. А вот самый камень посмотреть он все же не успел. И Ан —

дрей Николаевич перевел взгляд. Так и есть. Изумруд, чистый и овальной формы, но и только. Базанов долго в него вглядывался, пытаясь рассмотреть внутри камня неизвестно что или кого. Не добившись успеха, Андрей Николаевич собрался уже было прочь, вздохнул напоследок и неизвестно зачем прошептал с укоризной взявшиеся из недавней памяти слова: «Вот тебе и дар, и печать Святого Духа!» И тут же в глубине изумрудных волн возникло стремительное возмущение, сковало взор и мысли, растеклось и разрослось вширь, и взяло Базанова в плен. Из золотого гнезда на него таращился теперь страшный глаз змеи. И именно в этот момент, проваливаясь в его жуткую пропасть, полную обжигающего, колкого льда, Базанов осознал, что всё в «глупом письме» правда, и до конца.

Глава 6

«Рабочий и колхозница»

Приветственная речь грозила затянуться. Тягомотов разве коротко скажет?! Но и торопиться выходило не политкорректным, как любил выражаться его помощник Альгвасилов. Впрочем, бог с ним, Тягомотов министром получился неплохим, и культура при нем несколько воспрянула от рахитичного состояния, а кое-где даже стала процветать. Да и во все времена культурные начальники обожали поговорить, было бы кому слушать. А тут целая толпа и еще корреспонденты – газетные и от телевидения. Ермолов, подумав немного, поощрительно улыбнулся министру. И чуть было не переступил с ноги на ногу, уж больно долго пришлось стоять. Но и спохватился. Пребывать на этой церемонии, как и на всякой иной, Ермолову полагалось монументально-неподвижно. Он вспомнил о египетских фараонах, вздохнул про себя. Тем счастливицам все же доставалось какое-никакое, а седалище. И тут же устыдился. Мало, что ли, бед на его голову, а он переживает по пустякам. И Ермолов снова улыбнулся. И тотчас пожалел о собственной опрометчивости. Тягомотов воспринял двойное поощрение и, кажется, теперь вознамерился блеснуть дополнительным красноречием. Ну что ж, все справедливо. Раз уж ты глава целой страны, думай, что делаешь, а нет, так терпи.

На центральный парковый цоколь бывшего ВДНХ, только что новый, с иголочки, водружали «Рабочего и Колхозницу». И по случаю воскрешения прославленного монумента собрали торжество. Спасение «железной» парочки, будто играющей в ручеек при помощи примитивных орудий труда, с недавних времен было умышленно превращено им, Ермоловым, во всегосударственное и всенародное мероприятие. Собирали пожертвования, больше для виду, конечно, коммерческие типографии опорожнились штабелями открыток и альбомов с Верой Мухиной и без нее, и с гигантским символом провалившегося народовластия на самом главном, переднем плане. Популярные ведущие авторских программ раздражались – кто словесностями, кто скандальными разоблачениями, в прямой зависимости от идейной ориентации спонсоров. Не менее популярные композиторы не мешкая жарили наперегонки песни и рэп-скажоворки, опять же в честь разнополой монументальной группы, или же неприличными, но очень окупаемыми намеками этой чести лишая. А он, Ермолов, словно цирковой фокусник, снова отвлекал внимание зеваки-обывателя, доставая кролика из цилиндрической шляпы за бесконечно длинные уши, и запускал карточный фейерверк.

А только скульптурная группа после чудовищных усилий реставраторов и впрямь стала хороша. Хотя день и выдался по-зимнему пасмурным, но Рабочий и его Колхозница оба сияли свеженачищенной гладью металла и возрожденным, полузабытым энтузиазмом бесплатного труда. Но если уж России по-прежнему суждено во веки веков остаться империей, то и такой символ сойдет, главное, чтобы был покрупнее и подороже. Подле творения маялся в последней нерешительности митрополит Мефодий, будто никак не мог отважиться, хотя все давно уж было определено. Освятить атеистический союз стальных гигантов вроде бы получалось моветоном, но просил лично Ермолов, и Владыка поддержал. Негоже Истинно Православной оставаться в стороне, когда в обществе черной дырой зияет ничем и никем не занятая идеологическая ниша. И если не святой крест, то мало ли кто захочет поторопиться ее застолбить. Тут ведь можно ожидать и национал-коммунистов, и скинхедов-капиталистов, и даже последователей учения Мао. И вот Мефодию пришлось утруждаться с кадилом. Но на то и благие цели, чтобы ради них совершать компромиссные до беспринципности поступки. Как говорится, Бог простит.

Подумал о митрополите, и на ум, издерганный и перемученный, тут же пришел и отец Тимофей. Позавчера еще Ермолов вернулся из поездки по Сибири, только приехал и без про-

медления сам вызвал духовного отца в Горки, и вовсе не оттого, что напомнил Альгвасилов. Вызвал по своему почину, потому что позвать на помощь более получалось некого. А что уж он застал в последней своей крепости, Ермолов и сейчас вспоминал с содроганием, хотя самое страшное уже прошло. И страшно было не то, что от него скрыли, – пугала собственная его абсолютная беспомощность при абсолютной почти власти. Допустим, отец Тимофей – все же духовного звания человек, а вот как могла его Женя?! Да вот так и могла. И правильно сделала, честно признался сам себе Ермолов. Тут уж надо выбирать, кто ты прежде всего есть. Отец взрослой дочери или Президент Всея Руси.

Он заподозрил неладное, уже когда Лара не выбежала его встречать. А выбегала всегда. Именно выбегала – не выходила, даже когда стала совсем большой. И именно в эти мгновения Ермолов и ощущал в совершенной полноте, что вернулся не куда-нибудь, а домой. А теперь навстречу вышла одна Женя, и как-то смущенно и вызывающе посмотрела на него, и ничего не сказала, и он видел – готова расплакаться. А ведь Евгения Святославовна, дочь дипломата и жена дипломата, как никто другой умела держать себя в руках. И что бы вокруг нее ни происходило, а происходило за годы их семейной жизни многое, никакие обстоятельства не могли вывести ее из мудрого равновесия. Ермолов тут же и приказал всем окольничим удалиться и, желая непременно тотчас все разъяснить, спросил:

– Что случилось? Где Лара? – и понял, что оба вопроса тесно связаны между собой.

– Она больна, – только и сказала Женя и снова замолчала.

– Поляков смотрел?! Это опасно?! – почти закричал на нее Ермолов и тут же подумал, что если опасно, то его бы давно известили. Уж у Полякова, их ответственного семейного доктора, всегда есть к нему прямая связь. Тогда почему не вышла Лара? И почему жена так странно смотрит на него?

– Поляков? При чем здесь Поляков? – недоуменно спросила Женя, как будто он сказал вопиющую архиглупость и последний, кого необходимо звать к больному, – это его врач.

– Да что происходит? В самом деле. Ты можешь мне ответить, в конце концов? – стараясь не повышать голоса, почти обиженно спросил Ермолов.

– Тебе – нет. Но если непременно хочешь знать, спроси отца Тимофея, – тихо ответила жена, и Ермолов понял, что ответ ее окончательный. Такое происходило редко, но если уж случалось, то тут он терял бесповоротно всю свою власть. – А к Ларе не ходи. Пока по крайней мере. Не надо этого.

– Да почему? Что за глупости? – совсем растерялся Ермолов и от беспомощности не нашел ничего лучшего, как проигнорировать рекомендацию своей супруги.

Он прошел на второй этаж в спальню дочери. Женя не мешала ему, только отвернулась в сторону, словно не хотела видеть. В просторной, полной свежего воздуха комнате, было совсем темно. И однако витал весьма ощутимый запах тривиальной валерьянки. Ермолов ощупью добрался до кровати – шторы едва пропускали лучик лунного света, – и, нарочно производя предупредительный шум, присел на край разобранной постели.

– Ласточка моя, а кто пришел с приветом? – позвал Ермолов дочь, как когда-то в детстве. Рукой нащупал ее теплое плечико и скользкий шелк пижамки, но безмолвие, глубокое до трагичности, было ему единственным ответом.

– Ты бы лучше шел к себе. – В приоткрытых дверях показался силуэт Жени.

– Хорошо, раз так, – отозвался Ермолов, уже не зная, как поступить. Рассердиться и принять меры или допустить, что его крепость по непонятной причине встала с ног на голову, и попытаться эту причину отыскать.

Но он все же был бывший дипломат и действующий президент и тоже умел взять себя в руки. И Ермолов выбрал второй путь. Он с деланным спокойствием прошел в свой кабинет и потребовал от дежурного секретаря немедленно соединить с отцом Тимофеем. Пока за свя-

щенником посылали машину, пока везли, наступило уже и завтра. Перевалило за полночь, но, по понятным причинам, Ермолов забыл и думать про сон.

Вот так. Стоит только чему-то случиться с Ларочкой, и все остальные его заботы летят к черту. А это ведь неправильно. Его долг – быть одному за всех и личное всегда оставлять во вторую очередь. И завтрашний день, тяжелый и заполненный до отказа, требовал от Ермолова полноценного отдыха. Но что поделаешь! Он не виноват, что поздно женился, зато накрепко и навсегда, что обожает, заметьте, родную дочь, и что дочь эта именно сейчас страдает по непонятной причине, и никто в доме не желает ему эту причину открыть. А заставляют его посылать зимней ночью за отцом Тимофеем, словно играют в игру, где он, Ермолов, всего лишь беспомощный шахматный король с ходом на одну клетку.

Однако отец Тимофей прибыл на удивление скоро. Конечно, спецэсорт и все такое, но отчего-то Ермолова не покидало ощущение, будто преподобный ждал его зова и, может, даже не ложился, а сидел наготове до телефонного звонка.

– Тимоша, может, чаю тебе с дороги? – предложил Ермолов, не зная, как и с чего начать разъяснение домашних обстоятельств.

– Что же, не откажусь, – отвечал преподобный и сразу перешел к тому, ради чего и был поднят с постели в столь глухое время. – Ты к Ларочке ходил?... Ну, значит, все видел.

– Видел. Только что я видел – вот вопрос. Прямо полтергейст какой-то, а не дом, – пожаловался Ермолов, хотя сравнение вышло неподходящим. – Ты, Тимоша, просвети меня. Женя к тебе и отослала, а сама будто не своя и будто я ей чужой. И словечком не намекнула.

– Ты, Володя, не суди. Был бы чужой, так, напротив, рассказала бы, и дальше – трава не расти. А ко мне потому послала, я думаю, что она тебе жена. А я человек сторонний. При ней ты на чувства разошелся бы, а со мной трезво поразмыслить сможешь. И потом – Евгения Святославовна тоже ведь живой человек, а не машина с программой. И ты хоть сто раз про долги свои и обязанности тверди, но и ее терпению конец есть. Слишком уж просто, Володя, ты жертвы на алтарь приносишь. Ладно бы самого себя, а ведь и близких своих.

– И что мне сделать, Тимоша? Разорваться пополам? Да в сутках, хоть миллион указов издай, как было двадцать четыре часа, так и останется. Или мне Землю попросить вращаться помедленнее?

– Не надо ничего делать. Да и не в твоих это силах. А вот понять необходимо, и простить тоже. И Женечку и Лару. Уж такова жизнь человеческая, чтобы в ней непременно были обстоятельства, из которых удобного выхода-то и нет. И ты с себя свой хомут сложить не можешь, и родные твои с этим до конца примириться не хотят. Вот и крутись меж двух огней. Только как существо разумное и сознающее, что по воле Божьей это и есть его планида.

Пока пили чай, Ермолов думал. Тимофей прав, да и когда это в его жизни случилось так, чтобы хоть где-то было все гладко? И с чего это вздумал полагать, что раз в президентских его делах катастрофа висит на волоске, то в делах домашних сверху выйдет ему скидка? Семья – она, конечно, тыл. Но и тыл нужно обеспечить хотя бы необходимым, и не в материальном смысле. А он поселил за неприступной крепостной стеной обеих своих любимых женщин, словно затворниц в мусульманском гареме, и султан из него вышел скверный. И дважды прав отец Тимофей: не одну, а три головы, причем чужие, возложил он на алтарь, без спросу, а оттого только, что нужно было ему.

– Ну, будет воду гонять, – отставил Ермолов чашку, отпив лишь до половины. – Видишь, я готов и спокоен. Выкладывай теперь ты, как на исповеди. Мы с тобой временно местами-то поменяемся, преподобный ты мой отец.

– А я, Володя, таить от тебя и не собирался. Давно уж хотел упросить, чтоб позволили рассказать, но сам понимаешь, без Ларочкиного согласия... – Тут отец Тимофей нешироко развел руками. – Да и Женя очень против была. Она, милая, все видела хорошо и еще дав-

ным-давно мне сказала, что история эта хоть как, а добром не кончится. Лучше уж само собой пусть идет.

И отец Тимофей поведал бедному, пораженному до столбнячного оцепенения Ермолову такое, что из всех несчастий он смог бы предположить в последнюю очередь. Лара, доченька его, полюбила мужчину. То есть любила до недавнего времени. А именно этого Ермолов втайне мыслей своих и боялся. Оттого и держал здоровую, молодую и нежную в красоте девушку в тереме под замком. Даже в Институт международных прав возили державную студентку с многоэтажной охраной, так что о приятельских отношениях с кем бы то ни было и речь не шла.

А вот охрану он, повторяя ошибку и многих отцов до него, совсем упустил из виду. А ведь набирались туда симпатичные собой парни, сильные и стройные, как на подбор, и умом не обделенные. И вот один из них, особенно умный, некий Шура Прасолов – и имя и фамилия самые обычные и непримечательные, – решил, что он-то и есть самый сообразительный. Высокий, рослый, голубоглазый, истинный славянин – а других в охрану и не брали, тишком начал атаку на ничем не защищенное девичье сердце. Где улыбкой, где украдкой глазами давал понять, что поражен в самое сердце Лариной красотой, и вот теперь, он, подчиненный и недостойный, вынужден только помереть от неразделенного чувства. Ларочке сравнивать Шуру Прасолова было особенно не с кем, к тому же у ребят из охраны, исключая, конечно, начальство, возникла и круговая порука и даже нечто вроде лотереи – выиграет их Шурка президентскую дочку или останется в полных банкротах и дураках.

Девушка сначала страдалца пожалела, а поскольку неопытной ее жалости не было выхода, то и пришлось переродиться в иное чувство. Нет, тут Тимофей может поклясться хоть на иконе, ничего непотребного меж ними не произошло, да и суровый домашний распорядок не позволял. Одни поцелуйчики украдкой да записочки и прочая игра в жмурки. Но больше ничего и нужно не было, Лара влюбилась в хитрого парня всей своей юной душой, как и выходит у каждого только в самый первый раз. Матери она спустя чуть времени рассказала все, а ему, Тимофею, и того раньше. Евгения Святославовна в бескорыстное и вечное чувство Шуры Прасолова и ни на миг не поверила, никто еще первой леди Кремля в уме не отказывал. Но и Ларочку разубедить не смогла, впрочем, Евгения Святославовна на это надежды и не имела и отцу Тимофею о том сказала честно. Девичья любовь – дело тонкое, пойдешь поперек – только добавишь жару и вместо доверия наживешь вражду.

– И что, мою дочь обманули и бросили? Это, Тимоша, ты мне пытаешься сказать? – мертвым голосом спросил преподобного Ермолов.

– Ну, до такого не дошло, и вряд ли бы случилось. Не было еще в людской памяти, чтоб президентских дочерей по доброй воле бросали. Тут хуже б вышло, если бы парень этот своего добился. И ты, Володя, ничегошеньки бы тут поделать не смог. Нет, Лара сама от него отказалась.

– И слава богу, – облегченно вздохнул Ермолов. – Постой-ка, а из-за чего весь сыр-бор? Значит, не так все гладко кончилось?

– А я и не говорил, что гладко. Наоборот, кончилось плохо, хотя с иной стороны посмотреть – так для Ларочки и хорошо. Она это поймет, только не сразу, а позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.